

АНДРЕЙ УМИН
СИНГУРЕАЛЬНОСТЬ

ЗОЛОТОЙ СЛЕД

Андрей Умин

Сингуреальность: Золотой след

<https://litres.ru/74626318>

SelfPub; 2026

Аннотация

В будущем физик Алиса Москвина доказывает, что пространства и времени не существует. Ученая исчезает перед вручением Нобелевской премии, и крупнейшие корпорации начинают охоту за ней, ведь новое знание сулит слишком большую власть.

Секретарь Комитета по СМИ Киавелли ведет собственную игру и тайно отправляет на поиски Алисы команду из трех новичков: журналиста, хакера и детектива. Но удастся ли им обойти опытных сыщиков и выйти на нужный след? И какая роль в спасении мира уготована двум простым завхозам ООН?

Юмор и приключения для любителей Пратчетта, Адамса, Ильфа и Петрова.

Текст написан без использования ИИ, но в этом мире будущего ИИ хоть отбавляй — миллиарды роботов не дают никому скучать.

Содержание

1. Суета в пустоте	4
2. Занавес открывается	62
3. О мышах и людях	127
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Андрей Умин

Сингуреальность: Золотой след

1. Суета в пустоте

— Пространства и времени не существует, — бубнил продавец, когда в магазин гаджетов в самом центре Нью-Йорка вошел странный молодой человек. Высокий воротник плаща и широкие поля шляпы надежно скрывали его лицо — виднелся лишь угловатый нос.

Гостя встретил яркий свет и длинные стенды с новейшими устройствами, хотя по идее должен был встречать продавца. Но тот увлеченно копошился у дальней стойки, сгребая с рабочего места в рюкзак всё, что только можно... да и что нельзя, благо за видеонаблюдение отвечал он сам.

Посетителю пришлось пройти добрую половину зала и немного поизучать угрюмо теснящихся на витринах ботов, прежде чем работник ощутил его присутствие и повернулся, явив миру пухлое лицо, удивленные глаза и очки с биркой на переносице.

— Вы продавец? Это же магазин компании «Райский Плод»? — спросил вошедший.

— Типа... — вздохнул пухляк и продолжил укладывать вещи.

— Хочу купить робопомощника. Подешевле...

— Прекрасное желание. Надеюсь, у вас все получится, — безучастно сказал продавец.

«От людей этой профессии обычно ожидаешь больше внимания к покупателю», — заключил гость.

Он еще немного потоптался у ботов, но ничего не смог понять в их характеристиках и в инструкциях, любезно разложенных рядом.

— А вы не подскажете...

— Как заказать гаджет или помощника? — зыркнул на него продавец. — Заходите на сайт Райскийплод точка ком и оформляйте там сколько душе угодно.

На стене, как это ни странно, висел его портрет в рамке с надписью: «Продавец года».

— Я не очень доверяю Сети. Про таких, как я, говорят — человек старой закалки, — слегка приукрасил гость, ведь лично о нем вообще никто не говорил. Его почти никто и не знал.

Утомившись, пухляк поставил рюкзак на прилавок у кассы и принялся вытирать платком пот.

— В Нью-Йорке девяносто магазинов нашей торговой марки. Причем автоматизированных. Уверен, там вам поможет ИИ.

Продавец года (видимо, не лучшего в истории) вернулся

к своему рюкзаку, но покупатель не отступал.

— Там нет людей, — парировал он. — Я специально тащился через весь парк, чтобы пообщаться с живым человеком. Не шарю я в этом железе.

Работник наконец-то понял, что со стороны его поведение может показаться немного странным, поэтому объяснил:

— Я увольняюсь. Так что ничем не могу помочь.

— А когда придет сменщик?

— Не знаю. Может быть, никогда. Остальные магазины справляются без продавцов. Я тут последний. Единственный в этой сети. Работаю тут за всех... Работал.

Стало понятно, как этот тип дослужился до звания лучшего продавца. Он был здесь единственным консультантом, охранником, уборщиком и еще много кем. Следил за всем... кроме своей фигуры.

Словно вспомнив об обязанностях, пухляк заботливо смахнул пыль с залежалого дрона с камерой и оценивающе его осмотрел. Потом закрыл глаза — чтобы местный охранник ничего не увидел — и сунул дрон в рюкзак: иначе ведь снова пыль соберет. К тому же любая вещь, что не продается больше двух лет, выбрасывается на свалку, где загрязняет окружающую среду.

Главный эколог магазина довольно улыбнулся своему портрету.

Гость еще раз оглядел пугающий ряд сложных роботов — полутораметровых андроидов и андроидш — и заметил в

углу милое металлическое создание с полусферой на месте головы, как у дроида из «Звездных войн». Только этот был намного меньше и похож на шар предсказаний, приплюснутый очень тяжелым предметом. Не иначе на него грохнулась Звезда Смерти.

— А этот продается? — показал на него гость. — Выглядит не так зловеще. И всего одна кнопка. Думаю, я смогу запомнить, как им управлять.

Продавец бросил рассеянный взгляд в его сторону.

— Ах, этот. Не ассистент, а глупый мини-бот с предсказаниями. Пылесборник. На выброс.

— Вроде печенья с предсказаниями?

— В точку. Только зубы не надо ломать.

— И сколько он стоит?

— Неликвид. Нисколько.

— Мне как раз по карману.

— Да бросьте. Он очень глуп.

— То, что надо. Ненавижу, когда роботы давят своим интеллектом. И все эти пункты настройки... персонализация.

— Перестаньте называть ботов роботами. Они этого не любят.

— Неужели нельзя сделать стандартный шаблон помощника? — Пропустил его замечание гость. — Нажал кнопку и в путь.

Продавец пораился такой наивности.

— Шаблоны запрещены. Скажите спасибо тем потреби-

телям, которых оскорбляли настройки по умолчанию. Гильдия юристов, знаете ли...

— Почему бы не поменять шаблоны на другие?

— А в любом случае найдется тот, кого это оскорбит. Поэтому только персональная настройка под нужды клиента и никак иначе.

— Не хочу в этом разбираться. И не могу.

— Пять тысяч доблей — и вам поможет бот-ассистент.

— Пять тысяч за то, чтобы выглядеть глупее сразу двух железяк?!

Вместо ответа продавец просто махнул рукой. Доукомплектовал рюкзак и стал, крихтя, втискиваться в ветровку.

— А зачем увольняться? Работа не пыльная, — чихнул гость. — Образно говоря. Платят, должно быть, хорошо. Роботы и так подмяли под себя многие сферы. Грех разбрасываться тем, что осталось.

Продавец с трудом натянул рюкзак и гордо расправил грудь. Пришлось натягивать рюкзак снова.

— Может, это и имело какой-то смысл, но после сегодняшних новостей...

Гость встрепенулся. Как детектив-любитель (причем больше любитель, чем детектив), он старался не пропускать новости. Но в тот день ничего важнее начала нобелевской недели и засилья египетских крыс ему не встретилось.

— Пространства и времени нет, — ошарашил его продавец. — Враки. Пустышка. Мир не то, чем кажется, понима-

ете? Куда же я положил ключи...

Покупатель задумчиво огляделся. Пытаясь найти точку опоры, он навалился на маленького предсказателя рукой, и тот, крикнув, проснулся:

— Сегодня вы услышите нечто шокирующее, — брякнул мини-бот.

Гость удивился.

— Действительно предсказывает будущее! — воскликнул он.

— Скорее уж прошлое. Не самый полезный навык, скажу я вам.

Тем не менее кроха ему понравился. Не сильно давил интеллектом. Впервые проникшись симпатией к боту, гость вернулся к шокирующей теме дня:

— Чего, говорите, не существует?

— Пространства и времени. За это открытие даже нобелевку вручили.

Покупатель нашел брешь в логике продавца и не преминул ею воспользоваться:

— Нобелевская неделя начинается только завтра.

— Я говорю о позапрошлой премии! Открытию уже пара лет!

Гость задумчиво почесал шляпу, но, не ощутив требуемого эффекта, снял ее и почесал голову, сверкнув выразительными глазами.

— Но тогда почему никто об этом не говорил?

— А вы вообще в курсе, за что ее тогда вручили? Никто не вникает, ведь это сложно. Пять миллиардов людей услышали новость, кивнули и пошли дальше. А куда пошли-то?! Ведь пространства нет! Его придумала эволюция, чтобы выживать, избегать опасности или, наоборот, находить добычу. Невольный самообман ради жизни, понимаете?

— Честно говоря, не очень. Вот поэтому я боюсь умных роботов... поглотят мою личность, — признался гость, вновь задев рукой мини-бота.

— Если хорошо постараетесь, можете получить повышение, — включился в дело малыш-предсказатель.

— Вот его понимаю. Коротко и приятно, — заключил гость.

Продавец закатил глаза, но, начав свой рассказ, уже не смог остановиться. Ему очень хотелось с кем-то поговорить об этом открытии. «Работники» магазина явно были не в счет.

— Приспособленность побеждает истину. Эволюция симулировала сама себе этот мир, просто придумала его.

— Но он же реален.

— С чего вы взяли? Автор разоблачительной статьи в даркнете пишет: ваше зрение, слух, обоняние — просто комбинация сигналов, которые после рождения учатся воспринимать все люди. Да был же эксперимент! Еще лет сто назад. Один человек нацепил очки, переворачивающие мир вверх тормашками, и уже через час его мозг освоился и стал ви-

деть всё как прежде, просто привык! Всего за час! Это не реальность, это просто привычка эволюции! Но я, кажется, отошел от темы. Ключи...

— Про очки хоть что-то понятно, — отозвался гость.

— Возможны осадки. Лучше возьмите зонт, — прошуршал мини-бот.

Гость почувствовал себя неуютно без шляпы, водрузил ее обратно как оберег и недоверчиво осмотрелся. Неужели все это одна большая иллюзия? Продавец уже погасил свет за кассой и оставил на столе заявление, подписанное им самим как начальником отдела кадров.

— Но почему молчат новости?

— Они принадлежат корпорациям... или корпорации принадлежат им. В общем, там все хорошо взвешивается и подается безопасной для обывательского желудка лапшой. Я вот узнал правду из подпольного чата. Его, кстати, уже прикрыли.

— Все равно как-то не верится.

— Их сплошь и рядом прикрывают.

— Да нет, я о пространстве.

— А, понимаю. Вы и не обязаны... Кстати, мы, кажется, не представлены.

Тут гость наконец понял, что пребывает в статусе инкогнито слишком долго, даже для детектива-любителя. Он достал из кармана плаща визитку и протянул ее продавцу.

— Иван Айван, детектив, — представился покупатель. —

Это мои настоящие имя и фамилия. Родители любили пошутить. Поэтому, кстати, не выдержали друг друга... Впрочем, неважно...

— Визитка? — удивился пухляк. — Я думал, их уже сто лет как нет.

— Я говорил, что чуточку старомоден. Поэтому и пришел покупать робота лично.

— Теперь понимаю. Ну ладно, раз так, этикет обязывает представиться и меня. Шон Митчик.

Местный представитель по связям с общественностью протянул гостю руку.

— Тоже настоящее имя, знаете ли, — добавил Митчик.

— В это как раз нетрудно поверить, — согласился Иван.

— Вы это на что намекаете? Что оно не слишком оригинально для меня? Ну, знаете, не всем в Иванах Айванах ходить...

Детектив-любитель считал себя довольно проницательным, а потому понял: еще пара неосторожных фраз, и можно обидеть человека.

— А в каком чате вы это узнали?

— Ну. Осталось только название. Показать? — Шон протянул руку, чтобы взять у гостя смартфон.

Иван резво кивнул, но, хлопнув себя по карману, тут же поник.

— Да у меня интернета нет... Подписка закончилась.

— Как это вы живете без подписки? — удивился Митчик.

— Тогда вам и бота не активировать. Хех.

— Просадил все соцвыплаты на аренду квартиры в Нью-Йорке.

— Ну эт вы зря... Теперь останетесь без персонального помощника.

— Я уже выбрал вот этого, — показал он на полукруглого недопредсказателя. — Вы сказали, его можно забрать бесплатно.

— Ага. Если не лень самому тащить его в металлолом, — бросил Шон и пошел к выходу, готовясь последний раз в жизни перешагнуть порог этого магазина. На мгновение он замер, метнулся назад, снял со стены свой портрет лучшего продавца и, сунув его под мышку, довольно заковылял к дверям.

— Не знаю. А мне этот малый нравится. Простой, как свет божий, как я.

Иван посмотрел на своего маленького полукруглого протеже, и при гаснущем освещении магазина казалось, что малыш подмигивает своему новому хозяину и спасителю от мучительной смерти на станции переработки металла. Но он не обладал способностью думать... по крайней мере, этого еще никто не смог доказать. Вместо дружеского приветствия он сказал то, на что был настроен Создателем.

— Старайтесь чаще смотреть под ноги.

* * *

Директор технологической корпорации «Райский Плод» переживал не лучший день в своей жизни. Помощник доложил ему, что продажи ботов ниже плановых всего на одну штуку.

— Девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять? — грозно переспросил директор. Его звали Бен Борман, он был седой, высокий, наглый и настолько глупый, что самолично утверждал дизайн ботов — то странную челку добавлял, то выпирающий задний блок камер. Люди кривились, но покупали. Конкурентов у корпорации все равно не было — она их попросту пожирала. А акционерам важны только цифры. Но вот впервые за долгие годы его идеальный механизм по зарабатыванию денег дал сбой.

— Всё верно, шеф, — робко ответил помощник по имени Томми. Они ехали в старомодном лимузине на какую-то очень важную встречу в Комитете по СМИ.

— Неужели я что-то не продумал? — задался вопросом Бен. — Точнее, *аналитики* не продумали! Новые модели точно хуже старых?

— Абсолютно, — горячо поддержал Томми, судорожно листая в воздухе невидимые страницы, отображавшиеся только в его очках дополненной реальности, заменяющих человеку рабочее место, комнату отдыха и временами даже же-

ну¹. Томми обрабатывал документы взмахами. Со стороны он походил на дирижера, управляющего невидимым оркестром отчетности.

— Покупатели еще в прошлом году были неудовлетворены, ведь так?

— Маркетинговый отдел это с гордостью подтверждает, шеф, так.

— И в этом году мы даже не стали повышать цены.

— Но мы понизили характеристики...

— На это всем плевать. Зато реклама была отменной. В чем же дело...

Лимузин вяло петлял в потоке роботизированных такси. Небоскребы Нью-Йорка маячили впереди далекими неприступными берегами, и Бен уже пожалел, что не взял вертолет. Придется плестись полдня. А тут еще это...

— Ну и кто облажался? — наконец спросил он, поглядывая на праздно слоняющихся по тротуару людей. — Чего этим тунеядцам еще надо, как не новую модель ботов? Работы нет, все за них делает автоматика. Только ходи да покупай обновления. А им лень. Ненавижу. Обьедь уже эту пробку! Вон же полоса для людей!

Бен заметил, что какой-то бегун поравнялся с лимузином и некоторое время мешал ему повернуть на свободную полосу. Разъяренный директор открыл окно и устремил испе-

¹ Речь, разумеется, о встроенной функции крика за разбросанные носки. ←

пеляющий взор на ничего не подозревающего любителя здорового образа жизни.

— А ты че разбежался! Тебе государство не для этого платит! Шуруй в магазин!

Бегун показал ему нелитературный жест, и только молниеносная реакция помощника, заблокировавшего двери и окна, спасла «Райский Плод» от очередного скандала. Который, впрочем, быстро замяли бы в международном Комитете по СМИ, куда с переменным успехом и двигался автомобиль.

Директор еще долго скреб ногтями по закрывшемуся окну, как кошка, раздраженная воробьем.

— С онлайн-продажами все по плану. — Голос Томми дрожал, как и всякий раз, когда он в эмоциях грозился бросить эту работу, но потом остывал к этой затее, потому как работать ему было интереснее, чем сидеть дома. И безопаснее, чем бегать трусцой в опасной близости от психопатов на лимузинах с их блестящими и талантливymi помощниками. — Продажи в автоматических магазинах тоже идут как надо. Невыполнение плана только в нашем главном супермаркете возле Центрального парка. Единственном с продавцом.

— Уволить! — зарычал Борман.

— Но... он уже сам уволился, — кротко ответил Томми, сжимаясь перед скорым взрывом стихии, который не заставил себя долго ждать.

— Значит, принять обратно! Немедленно!

— Боюсь, это невозможно. У него не было никаких требований. Просто ушел. Потерял смысл в жизни, так тут написано.

Томми показывал пальцем перед собой, позабыв, что информация в его очках не видна никому другому. Бен покачал головой.

— Пообещайте бонусы! Верните эту сволочь обратно, чтобы я смог с позором его уволить!

— Вот еще: в комментарии к увольнению он написал, что пространства не существует, — сообщил Томми, жестикулируя в пустом пространстве перед собой. Все, что он видел через очки, в реальности тоже не существовало. Хотя что называть «реальностью»? Его глаза создавали точно такую же вымышленную явь, как и очки, причем по такому же принципу. К счастью для себя, Томми не был великим мыслителем, а потому не догадался об этом подумать и не вывихнул себе мозг.

* * *

Джуд Goldman — хамоватый детина пятидесяти с лишним лет, а по совместительству еще и председатель правления крупнейшего банковского холдинга Земли «МорганМани» — тоже готовился к встрече в Комитете по СМИ. Однако, в отличие от своего импульсивного коллеги из технологической отрасли, он решил, что вид потных бегунов в это вре-

мя года будет для него чересчур, и ограничился вертолетом, который уже готовили на крыше его стодвадцатиэтажного небоскреба в самом центре Нью-Йорка. В ожидании вылета банкир занимался одним из своих главных дел — осматривал владения из панорамного окна своего офиса на последнем этаже.

За его спиной стоял ассистент Луиджи. Этот сорокалетний малец с утонченным итальянским лицом терпеливо ждал, пока шеф насладится зрелищем. Под взором Голдмана роились миллионы нигде не работающих людей, свято верящих, что наслаждаются жизнью. Государства переводили населению бесплатные, «вертолетные» деньги через его банк, в закромах которого оседала комиссия. Банкиру было плевать, *на что именно* они тратят деньги, лишь бы тратили. Джуд обожал свое место на вершине мира и любил демонстрировать открывающиеся с него виды гостям. Многим нравился этот гостеприимный жест. Некоторые даже специально напрашивались к нему на прием, чтобы посмотреть на мир глазами его властителя.

От милых сердцу и кошельку дум его отвлек голос ассистента.

— Вы уже читали сводку компании, господин Голдман?

— Она льется мне прямо на нейрочип, хрен пропустишь. Кто-то шлет сраные анонимки, повествующие о том, что один из моих директоров затевает неладное.

— Это могут быть простые офисные интриги, — предпо-

ложил помощник.

Голдман насупился. Чтобы какой-то там ассистент высказывал свое мнение?

— А если не простые? Младшие директора всегда что-то замышляют, как в сериалах! Не сводить с них глаз! С директоров, а не с сериалов, а то знаю я вас... Что там дальше по списку...

Вторым вопросом в повестке был хакер.

— Хакер? Кто он и что ему надо?

Джуд Голдман повернулся к Луиджи своим грубым медвежьим лицом, явив Нью-Йорку едва ли более приятную сторону своего тела.

— Так вот. Как вы уже знаете, господин Голдман, дерзкий хакер...

— Давай короче. Я знаю, как меня зовут, — рявкнул медведь в человеческом обличии.

— Хорошо, мистер Голдман, отличное замечание, мистер Голдман.

Председатель банка лишь помотал головой. Внезапно он вспомнил о чудесных возможностях, которые дает офис на сто двадцатом этаже.

— Напомни сбросить тебя из окна, когда разберемся с этим.

— Как скажете, мистер Голдман. Отличная шутка, господин Голдман. Думаю, для этого найдется *окно* в расписании.

Председатель никогда не шутил. По крайней мере, удачно.

Поэтому злобно посмотрел на Луиджи.

— Так вот, хакер. — Ассистент неожиданно перешел к сути. — Некий «евГений Хренов» пообещал миллиард доблей тому, кто узнает, каким образом он взломал нашу сеть, и еще столько же, если кому-то хватит ума выяснить, что именно он украл.

— Он имеет в виду наши твердые американские доллары? — рассеянно спросил Джуд.

— Без слияния с рублем мы бы сейчас расплачивались твердыми американскими песо, прости господи, так что именно «добли». — Ассистент напомнил ему суровую правду жизни.

Поглощенный властью над миром банкир начал что-то припоминать про эту их экономику.

— Да-да, помню. Просто тебя проверял.

— Как скажете, мистер Голдман. Отличная проверка, господин Голдман.

Джуд быстро прикинул, пробьет ли Луиджи окно, если придать ускорение, но пришел к неутешительному выводу. Окно пуленепробиваемое. И более того — даже олененепробиваемое. Это выяснилось после удивительного покушения на Рождество.

— Уже пробовали его искать? — злобно процедил Голдман.

— Пока безрезультатно. Никаких следов взлома. Никто из наших экспертов не знает, кто может стоять за этим псевдо-

нимом. Причем обратите внимание, «евГений Хренов» написано вот так, с намеком на то, что он — гений... ну или что у него плохая клавиатура.

— Если это его шутка, то глупая. Так может писать только эмоционально недоразвитый человек... мне ли не знать. Должно быть, он действительно серьезный компьютерщик, бестия, — заключил Джуд. — Но фамилия какая-то... говорящая.

— Узнать бы только, что она говорит... Продолжим искать.

— Привлеките всех экспертов, каких только найдете! Нельзя позволить, чтобы нас опозорили на глазах у всего мира!

Третьим пунктом повестки оказалась защита хранящегося в банке международного золотого фонда.

— Сэр, перед отлетом в Комитет СМИ у вас встреча с инженером по хранилищам.

— Да-да, разумеется. В наше беспокойное время мы просто обязаны усилить защиту имущества. Ведь там не только наше золото... к сожалению... но еще и разных компаний, стран, непризнанных террористов и даже признанных.

— Эксперт уже приехал.

— Пусть поднимется.

— Но золото в подвале...

— И что? Надо держать марку. Порадуем человека, покажем ему свое отношение, вид на город с вершины мира. Нам

еще с ним работать, золото сохранять.

Мариус Финк до чертиков боялся высоты, поэтому и выбрал работу с подземными хранилищами. Второй фобией Финка были тесные помещения, отчего он предпочитал лифтам лестницы. К сожалению, швейцар на первом этаже оказался глух к его мольбам и резонно рассудил, что забег на сто двадцатый этаж с рабочим прибором за спиной слегка утомит гостя, которого главный банкир пожелал видеть свеженьким и желательно без инсульта.

Лифт поднимал Мариуса очень долго. Преступно долго. Под конец гостю хотелось наброситься с кулаками на его злобно тесные стенки, лишь бы кошмар закончился. А когда створки камеры пыток открылись на неимоверном для него сто двадцатом этаже, единственным желанием Финка стало распасться на атомы.

— А вот и наш гость! — послышался из коридора голос Голдмана. Джуд вышел лично поприветствовать мастера. — Как вам лифт? Моя особая гордость! Настроен лучшими техниками на очень медленный и плавный подъем.

— Я заметил, — буркнул Финк, пытаясь удержать в себе остатки ужина.

Стены и потолок коридора и всего этажа были оформлены в светлых тонах, а пол и панели в коричневых — под ногами лежала дорогая плитка, кое-где проступала изысканная лепнина, над головой довлели своим изяществом люстры, но

гость, испытывая паническую атаку от большой высоты, не спешил воздавать интерьеру должное.

— Рад, что вы откликнулись на предложение, — продолжал обрабатывать его глава банка. — В мире, конечно, немного экспертов по, цитирую, «защите золотых слитков в подвалах банка»... между нами говоря, кроме вас никого и нет, но боже, я ни в коем случае не умаляю ваших талантов. Ваше резюме оказалось так кстати!

Все это время Джуд протягивал гостю руку, но у того так сильно плыло в глазах, что тот не мог толком за нее ухватиться. Тогда Голдман сам схватил гостя и нервно его затряс, едва не подбрасывая бедолагу в воздух. В рюкзаке Финка с жалобным писком коротнул дешевый рабочий сканер.

После унижения с якобы взломом банка каким-то выскочкой Евгением Хреновым Джуд считал себя просто обязанным во что бы то ни стало исключить еще один потенциальный позор. А самое уязвимое в любом банке — это, разумеется, золото.

— Хранилище, как мне кажется, должно быть внизу, — выдавил Мариус Финк, борясь со своими демонами.

— Да, но я не был бы хорошим председателем банка, если бы не подумал о вас! Позвольте перед тем, как приступить к работе, я покажу вам мир с высоты, так сказать, моего полета. Обсудим детали в моем кабинете.

— Что вы, не стоит!

— Там отличный вид на город! Панорамное окно! В хо-

рошую погоду даже видно Коннектикут! К сожалению...

Мариус едва не потерял сознание. Ноги его подкосились, и только вездесущий ассистент Голдмана успел подхватить гостя, избавив его от более тесного знакомства с изящной плиткой.

— Понимаю, звучит завораживающе! — улыбнулся банкир. — А выглядит еще лучше!

Несмотря на отчаянное сопротивление Финка, союзнические силы взяли его в кольцо и, не считаясь с жертвами, транспортировали к панорамному окну, где очень долго и основательно показывали ему каждую деталь, по мнению Джуда невероятно преобразавшуюся при взгляде с большой высоты.

— А там статуя Свободы, видите? Да, я тоже, впервые увидев ее, запрокинул голову от восхищения, но все виды внизу, а не там, куда вы уставились... Луиджи, у человека разве может быть так сильно запрокинута голова и выпучены глаза?

— Не знаю, босс. Наверно, синдром Стендаля.

— Не иначе.

Спасло Мариуса то, что Голдмана ждали в Комитете по СМИ.

На пути к вертолетной площадке, когда практически бездыханного Финка уже тащили к лифту в подвал с заветным золотом, господин председатель банка крикнул своему ассистенту:

— В самом медленном лифте, понятно? Нечего тягать го-

стя, как мешок с картошкой. Еще уши заложит от скорости.

* * *

Офисы Комитета по СМИ располагались во многих городах мира, но в данный момент действия разворачивались в нью-йоркской штаб-квартире, что уютилась по соседству со зданием ООН, утопая в его тени. Комитет согласовывал интересы ведущих мировых корпораций, входящих в его совет, чтобы в нежные уши общества и уж тем более в его затуманенные мозги не попала ненужная информация. Секретарем этой организации был Киавелли — высокий поджарый мужчина смутного возраста между сорока и шестьюдесятью, решающий, каким новостям любезно открыть дорогу в эфир, а какие лучше отогнать на запасной путь истории или вовсе списать в утиль. Его длинные полуседые волосы гармонировали с белой рубашкой с расстегнутым воротом и закатанными рукавами. Стильные джинсы и строгие туфли лишь дополняли образ неподвластного возрасту человека... по крайней мере возраст его не поддавался определению. Играя на противоречиях и желаниях ведущих консорциумов, Киавелли смог оседлать их всех и управлял самым главным — тем, что попадет в головы потребителей. Само собой, хороший человек в большую власть не попадет, но из попавших в нее Киавелли был меньшим из зол. Относительно. Миру еще повезло. Наверное. Нельзя это полностью ис-

ключать. Его усилиями каждая из корпораций находилась в узде, не имея шансов окончательно поработить всё и вся.

Впрочем, иногда приходилось решать очень сложные даже для такого мастера интриг, как Киавелли, вопросы.

— Плевать, что пространства не существует, — гневался он, — это я как-нибудь переживу. Но почему два года об этом никто не знал?

Киавелли сидел в своем кабинете с не самой оригинальной табличкой «Генеральный Секретарь», а через стол от него, ближе к дверям, стояла помощница Лидия — высокая женщина средних лет в свободном офисном костюме, с черными волосами, заколотыми карандашом. Из-за волнения ей очень хотелось кусать хоть что-нибудь, пусть даже свой карандаш, но она не помнила, куда его дела. Поэтому кусала то, что всегда оставалось под рукой, — ногти.

— Никто не пытался расшифровать нобелевский отчет, — кротко сказала она. — Их же никто не понимает. Поэтому просто сообщают короткой заумной фразой, за что вручают награду, и всё.

— Уже представляю, какой хаос начнется на заседании. Главы входящих в Комитет корпораций уже слетаются сюда. Чую в конференц-зале бойню и запах напалма.

— Попшикать там освежителем?

— Лучше зарином.

— Хорошо, записала.

— Нет, Лидия, стой. Последнее зачеркни.

— Освежитель?

— Зарин.

— А это что-то действенное? А то я готовила канапе с чесноком, и весь дом пропах...

— Лучше не налегать.

— На зарин или канапе?

Киавелли принял.

— Очевидно, на канапе. Ты что, принесла их сюда?

— Конечно. Коллеги просили.

— Ладно. Учитывая, сколько кровопийц к нам сейчас приедет, может и пригодиться.

Он поднялся из-за стола и прошелся по кабинету. При безграничных финансовых возможностях Комитета Секретарь не стремился к демонстрации роскоши. Он и премии себе не выписывал. И взятки не брал. Его целью была сама власть, а компасом — совесть. Каждый вечер он хорошо засыпал с чувством выполненного долга и осознанием, что еще на сутки удержал абсолютную власть над миром, удержал ее подальше от форменных психопатов, коими кишело все его высокое окружение, ну за вычетом Лидии. Что поделать, ей очень шли каблуки.

— Перед началом собрания с вами хотел встретиться один... эм... робот. В смысле — бот.

— Бот? — удивился Секретарь, мерно вышагивая по кабинету, как делал каждый раз перед собранием Комитета.

— Он так себя назвал. Но сразу исправился на человека.

— Зачем же человеку называть себя роботом? В смысле ботом. — Киавелли задумчиво почесал седеющую щетину.

— Я навела справки. Подкидыш. Еще младенцем попал к ботам, в их нижний мир — как мы называем промышленные районы вокруг городов, куда человеку с тонким душевным устройством лучше не совать нос.

— И они его воспитали? Как Маугли в каменных джунглях?

— Ну почти... — Лидия попыталась вспомнить этот древний сюжет. — Все-таки боты относительно образованы и не отрезаны от остального мира. Он уже ждет в приемной.

— Иными словами: мимо него на собрание мне не пройти?

Лидия помотала головой, и пучок волос распался, высвободив из своих недр карандаш, который упал на ковер перед ней. Это важное событие уберегло остатки ее ногтей от полного истребления.

Выйдя из кабинета, Секретарь сразу уткнулся в крепкого парня двадцати с лишним лет, с короткими светлыми волосами, в футболке и брюках, без малейших признаков роботости на коже. В глазах тоже не было никаких намеков на компьютеризацию, тем не менее он поприветствовал Киавелли как бот — поклоном.

— Приветствую. Мое имя Глум Фримен, я прибыл наниматься на работу, — отрапортовал он.

— Фримен — это фамилия роботов, — поморщился Сек-

ретарь. — А вы...

— Вырос в их семье. В анкете всё написано. Над ключами шифрования моих родителей. — Он потянулся рукой к лежащим на столе Лидии документам. — Вон там, на месте подписи. И лучше не называйте их роботами. Это дискриминационное слово, напоминает о старых временах рабства...

«Когда роботы делали то, для чего были созданы», — с теплой грустью подумал Киавелли.

— Значит, у тебя нет личной подписи? — спросил он.

— Только ключ шифрования. Вот он. — Глум достал из-под майки флешку, которую носил на цепочке, подобно тому, как христиане носят кресты.

Киавелли нахмурился. Он знал, до каких пределов безумия можно довести человека — как-никак он возглавлял Комитет по СМИ.

— Ну и зачем тебе мы? — в порядке вежливости выдавил из себя измученный подготовкой к собранию Секретарь.

— Хочу нести людям правду! Быть светочем истины!

— *И ТЫ ПРИШЕЛ В КОМИТЕТ СМИ?!* — Удивлению Киавелли не было предела.

— Ну да... — уязвленно протянул Глум и быстро попытался исправиться. — Я знаю, что у вас высокие стандарты, но я сделаю все, чтобы им соответствовать.

Секретарь осмотрелся в поисках места, куда можно сбегать заблудшую душу, но никаких утилизаторов ботов поблизости не оказалось; да и после Глума этот утилизатор на-

верняка бы основательно засорился. Краем глаза Секретарь видел уходящий вдаль коридор, по которому уже шествовали главы, директора и председатели корпораций, собравшиеся в одном месте по совсем не праздной повестке дня.

* * *

В сторону зала для совещаний наперерез друг другу двигались главный банкир, председатель «МорганМани» Джуд Голдман, и главный технократ, директор «Райского Плода» Бен Борман. Понимая, что их фарватеры ведут к неизбежной встрече, банкир попытался повернуть (что было не так просто в прямом коридоре), чтобы лишний раз не видеть самодовольную физиономию правнука основателя инновационной компании, которую этот моральный вырожденец превратил в мировой конвейер по вытягиванию денег у желающих осчастливить себя людей. Но технократ не просто так свернул в этот коридор — он хотел поговорить с Голдманом кулуарно, до начала собрания.

Не сумев проскользнуть сквозь стену, Джуд повернулся к Бену и попытался растянуть на лице улыбку с небольшими вкраплениями радости от столь неожиданной, но мучительно приятной встречи. Получилось изобразить лишь мучительность.

— А-а, мистер Борман! Как же я рад вас видеть!

— Да ладно вам, я уже взрослый мальчик. Мне не нужна

показная радость.

Влиятельный технократ презирал банкира в шестом поколении, чье генеалогическое древо, прежде чем дорасти до этого трутня с медвежьим лицом, настолько ссохлось и обескровело, что казалось удивительным, как этот тупица Голдман вообще дышит. Себя Борман, разумеется, мнил гением, лишь благодаря исключительности которого «Райский Плод» держится на плаву. Про такие понятия, как экономический ров, агрессивная монополия, коррупция и тотальное уничтожение конкурентов, он старался не думать — для этого есть советники, а свой разум лучше держать девственно чистым и открытым всему прекрасному, что мир может дать десятке богатейших людей.

— Увиделись бы на собрании, — раздраженно бросил банкир, с наслаждением представляя широко расставленные стулья, где никто не дышит тебе прямо в лицо и не прижимает к стене. — Оно через пять минут буквально вон в том помещении.

— Хотелось сначала узнать ваше личное мнение, — заговорщически сгорбился технократ. — Мне тут пришло резюме от первоклассного хакера. Хочет устроиться к нам за круглую сумму. Вы же знаете, как тяжело обратить взломщиков на светлую сторону. Направить их изощренный преступный ум на благо, а не во вред. На благо моей компании, разумеется.

Банкир не был самым последним идиотом, благо этому

хорошо поспособствовали и «Райский Плод», и другие монополисты — недоразвитых потребителей становилось все больше, и средний IQ летел вниз. Джуд быстро сложил два плюс два.

— Уж не Евгений ли, чтоб его, Хренов?

— Он самый. Слышал про ту историю со взломом вашего банка. — Бен попытался соорудить подобие соболезнавания, но ничего, кроме необузданного злорадства, не выходило. Пластическая хирургия знатно опустошила его мимический арсенал интриг.

Пока технократ пытался совладать со своим лицом, банкир закипал, как биржевой индекс перед обвалом.

— Не смей!

— Но как же свободный рынок труда...

— Он перестал быть свободным, когда этот хрен бросил нам...

— Хренов, — услужливо поправил его Бен.

— Когда этот Хренов бросил нам вызов! Теперь он аффилирован с нами! Пусть и в таком грязном ключе! — расходился в медвежьей ярости Джуд, источая в гневе запасы слюны. — Вы плюнете нам в лицо, взяв его на работу!

— Полегче, приятель. Пока что плюетесь лишь вы, — попытался утихомирить оппонента Борман, а заодно и выиграть паузу, чтобы вытереться платком. — Поэтому я и сообщил это вам приватно. Хотел прозондировать почву.

— Вы ее прозондировали! Наткнулись на чертову проти-

вотанковую мину! Фугас размером с этот кулак! — продолжал брызгать праведным гневом Джуд, не давая оппоненту времени, чтобы выжать платок. Для устрашения он принялся закатывать рукава.

— Знаете, у меня есть очень хороший психолог. Отправлю вам его контакты.

— Если такой же, как ваш пластический хирург, то увольте...

Но Бен, казалось, его не слышал:

— Я ведь не сказал, что мы нанимаем этого хакера. Просто обозначил текущую расстановку на поле.

Банкир хитро заулыбался. Но такая улыбка ничего доброго не сулила.

— А я обозначил свою позицию.

Технократ кивнул, пряча зависть к его мимике за своим натянутым лицом.

— Думаю, месяцок мы подержим его резюме непрочитанным. Но вечность тянуть не можем. В конце концов, его может нанять более мелкая фирма, и что тогда? Уж лучше пусть это будем мы, способные с вами договориться.

— За месяц мы поймаем этого хрена моржового и распнем на Таймс-сквер.

— Лучше на Красной площади.

— Что? — не уловил резкую перемену в диалоге банкир.

— Опросы общественного мнения за последние дни показывают, что для рейтингов выгоднее распинать людей там,

— дал бесплатный деловой совет Бен. — И чисто между нами: а что именно этот хакер у вас украл?

— В том-то и дело, что ничего не пропало! Даже следов взлома нет! Как будто его и не было!

— Феноменальный талант, — уже с некоторым сомнением сказал технократ.

Они прошли несколько шагов в задумчивом молчании.

— Кстати, — замедлился Джуд, — вы не знаете, что значит «синдром Стендаля»?

— Я похож на врача? — брезгливо заметил Бен, ища санинтайзер. — Обычно спрашиваю у ассистента, а он кру́глит в сети. Уточните у своего, уверен, он вам поможет.

Джуд задумчиво перемялся с ноги на ногу.

— Он это и произнес. Глупый детина, знаете ли. Наверное, глупейший ассистент в мире. Не хочу перед ним позориться.

— Однако же знает такие сложные термины... — оскалился технократ Бен. Подумал, что оскалился.

— Раз в год и палка стреляет, — невозмутимо сказал банкир.

* * *

Зал для собраний Комитета по СМИ располагался на первом этаже офиса и по документам числился как террариум. Это характеризовало не столько чувство юмора Киавелли,

сколько его прагматизм — налоговая инспекция не решалась явиться в это крыло, чтобы посчитать площадь. Тень от соседней штаб-квартиры ООН маскировала это невзрачное здание, не позволяя простому обывателю сообразить, где именно вершится судьба планеты. Непосвященному казалось, что это — пристройка для хранения сломанных микрофонов и разбитых тапками памятных трибун ООН. Киавелли даже придумал особые сочетания наружной краски, чтобы люди, проходя мимо, просто не замечали этого здания. Даже робобомжи не сливали под него масло, отчего явно страдал соседний гигант.

Главы ведущих компаний уже заполняли тайный зал, в центре которого стоял большой круглый стол, призванный показать, что все тут равны, а Киавелли всего лишь один из них. Это усыпляло бдительность богачей, позволяя Секретарю с большим успехом продавливать свою волю. Вдоль серых стен стояли кофемашины, виски-машины, коктейль-машины и даже машины для самоуничтожения ботов². Главной проблемой было не перепутать кнопки, иначе взбитые сливки сделают из тебя самого.

Массивный стол окружали удобные мягкие кресла, способные расслабить даже покойника. Ради власти Киавелли шел на любые хитрости. Его стул располагался напротив

² Любезно предоставленные профсоюзом ботов, не желавшим платить страховку за своих устаревших или неудачных работников. Формально это называлось хитрым термином «дауншифтинг для железяк». [←](#)

входной двери, подсознательно намекая, где же сидит глава.

Последними вошли главный банкир и технократ. Они молча кивнули и оглядели сидящих. Ничего нового — все те же лица: директор оборонного «ПиП индастриз», что в простонародье переводилось как «Пушки и Пули», глава кинокомпании «Заводной глаз», владелец спортивного «Хеми спортс», глава игрового «Юбивижн», промышленник из «Углерод плюс» и даже председатель профсоюза ботов. Имелись еще главы гильдии юристов, страховой компании «Платиилисдохни» и загробной «Сдохнулплати».

Попытка запомнить всю эту массовку была бы совершенно напрасной тратой времени. За исключением Киавелли, все они отличались друг от друга лишь массой (в случае со Смитом из «ПиП» — критической) и названиями брендов на галстуках.

— Вот все и в сборе, — провозгласил Секретарь, по-прежнему пребывая в свободной рубашке с подвернутыми рукавами, мол, он тут простой трудяга и не идет ни в какое сравнение с остальными гигантами мысли. — Перейду сразу к делу. Кто-то расшифровал нобелевское открытие двухлетней давности о несуществовании пространства и времени. Пока эта информация остается в даркнете, в подпольном разделе Сети, но что будет, когда она вырвется на свободу? Нам нужно понять, как это интерпретировать для масс.

Киавелли сделал паузу, молча оглядел собравшихся и продолжил:

— Если люди поверят, что пространства и времени нет, последствия будут... непредсказуемыми. Начнется брожение умов. Религии пойдут на принцип, а обыватели просто потеряют ориентиры. Мы не знаем, что изменится в обычной жизни общества, как это ударит по потреблению, но очевидно, что в любой непонятной ситуации люди первым делом начинают экономить...

— Но слово «экономика» разве не подразумевает... — обмолвился председатель профсоюза ботов мистер Джоуль, но быстро замолк под девятью выразительными и одним натянутым взглядом коллег.

— Конец света! — повысил накал страстей Мерлин Минск — глава кинокомпании «Заводной глаз».

— Ну не знаю... — задумался металлург Абрамов из «Углерод плюс». — Говорите за себя. Нам это отсутствие пространства до лампочки. Лишь бы продолжал гореть уголь.

— Вы не правы, — поправил его Киавелли. — Никто точно не знает, как люди отреагируют на такую новость.

— Вот именно! — вмешался спортивный функционер Клюквин. — Все акции упадут. Какие-то меньше, какие-то больше, но пострадают все. Люди будут напуганы!

— Страх — двигатель прогресса, — самодовольно сказал глава оборонки Смит и вальяжно развалился в кресле, которое жалобно скрипнуло под двумя центнерами его уже давно не баллистической формы. — Кризисы рожают конфликты, а конфликты дают развитие...

— Развитие ваших оборонзаказов! — фыркнул киношник Минск. — Люди в первую очередь начнут экономить на искусстве. И что потом? Падение нравов, бескультурье, грабежи.

— Нет, нет! Вы что! Нельзя этого допустить! — завопил глава страховой «Платилисдохни».

Но не все разделяли его пессимизм.

— Сеймур Смит из оборонки прав. В поджогах и паре миллионов лишних смертей нет ничего страшного, — философски заметил владелец загробной компании «Сдохнул-плати» мистер Пратт.

По залу прокатился короткий смешок Киавелли, и все обернулись к нему.

— Не сомневаюсь, что компания по оцифровке загробной жизни выиграет на первых порах, но что потом? Акционерам нужен стабильный доход, а от кризиса беднеют все. Чем больше у вас окажется клиентов, тем сложнее будет расширять мощности и тем дороже станут следующие подписки на жизнь после смерти. А у людей уже не останется ни денег, ни желания вам платить.

— Вот-вот! Секретарь прав! — не унимался страховщик. — С другой стороны... Если немножечко, совсем чуть-чуть напугать людей... это явно увеличит поток страховых взносов...

— Спустив камень с горы, мы уже не сможем его остановить, — вздохнул Пратт. — Как бы я ни хотел роста загроб-

ных подписок, мой бизнес здесь самый молодой и действительно не осилит такого наплыва клиентов.

Он был единственным в этом зале, кто сам заработал свои миллиарды, а не получил в наследство вместе с генетическими дефектами. Он буквально прогрыз себе путь на Олимп, точнее в эту подсобку, создав монополию на загробную жизнь. Если мозг упавшего с крыши или сбитого лимузином бедолаги успевали найти работники службы «Сдохнулплати», они подключали его к нейронному интерфейсу в капсуле и личность продолжала существование в райском мире. Разумеется, если у нее были на это деньги.

Здесь, среди тупиц, окончивших одну и ту же элитную, но совершенно бесполезную школу, Пратт ощущал себя волком в курятнике... ну или вараном в террариуме. Однако же, какими бы глупыми ни были остальные, они обладали всей необходимой коллективной властью, чтобы отбиваться от вот таких нуворишей и продолжать владеть миром по эту сторону от нейронного интерфейса.

— Но как это возможно? — опешил Голдман. — Отсутствие пространства... Вот же оно — прямо передо мной.

— Будь у вас глаза и мозг птиц или рыб, вы бы увидели совершенно иной мир, — подметил Киавелли. — Не доверяйте тому, что может вас обмануть. Говорю вам как управляющий СМИ.

— А жуки-навозники вообще путешествуют благодаря свету Млечного Пути! — добавил Бен Борман из компании

«Райский Плод». — Кто знает, чем для них является наша галактика?

— Может быть, просто шоссе, — донеслось из зала.

— Но тогда и расстояния ничего не значат? И скорости? Падающий камень не падает, а яблоко... о боже, Ньютон! — раздался еще один голос. — Еще один обманутый яблоком!

Глава кино Мерлин Минск встал и начал нервно ходить по залу. Новость (пока еще тайная) застала его утром, перед прыжком с парашютом. К счастью для себя, он не стал примерять на себя новые горизонты знаний, говорящих, что нет пространства между самолетом, из которого он прыгнул, и землей, к которой летит. Предпочитая известную осторожность при виде всего нового, Минск все же дернул кольцо парашюта, и его тело, появившееся за миллиард лет обманутой эволюции, не расшиблось в лепешку о то место, которое жуки-навозники считают чем угодно, но только не землей, по которой мы ходим.

— Представляете, какая сила заключена в этом знании? — задумчиво спросил Смит, потягивая сигару в форме новейшей боеголовки его компании.

Сильные мира сего забеспокоились. Но сильнейший из них сохранял хладнокровие.

— Мы должны решить, что с этим делать, — выдохнул Секретарь.

— Два года! — не мог успокоиться Минск. — Это открытие лежало у всех на глазах два года, но никто в нем не разо-

брался!

Киавелли устало напомнил ему прописную истину:

— Никто ведь не понимает их сути. В пресс-релизе Нобелевского комитета значилось: «За новую квантово-струнную модель Венециано-Москвиной». Все с умным видом прочитали, зазубрили на всякий случай, чтобы не прослыть на званом ужине дураками, и на этом все. А сегодня утром какой-то тип из даркнета расшифровал работу и объяснил ее на простом языке.

— Москвина — это та, кто, собственно, совершила открытие. Венециано, насколько я знаю, давно умер. Просто он стоял у истоков теории струн, — блеснул знанием Пратт.

— Все верно. — Киавелли откинулся на спинку кресла, но, ко всеобщему удивлению, она не поглотила его как пена морская, а лишь расслабила спину и заставила слегка улыбнуться. — Алиса Москвина — самая молодая лауреатка Нобелевской премии по физике. Исчезла, кстати, два года назад. Сошла со сцены публичной жизни.

Сеймур Смит убрал от лица сигару и с загадочным видом склонился вперед.

— Что же ее побудило? — удивился он. — Явно не отсутствие пространства-времени, это ведь расшифровали только сейчас.

Киавелли тяжело выдохнул и обреченно прикрыл глаза.

— Москвина сразу знала, в чем суть открытия. Это ведь она его сделала!

— Ах да, точно, — по-военному буркнул Смит.

В одно мгновение все застыли в немом вопросе. Даже самым примитивным умам, с трудом окончившим элитную школу властителей мира, хватило мозгов, чтобы понять:

— Тот, кто владеет знанием, — владеет миром! — пискнул кто-то себе в ладонь, не стремясь выходить на первый план, но достаточно громко, чтобы его услышали.

— Знанием владеет Москвина. Значит, тот, кто владеет ею... — сказал Смит и быстро уточнил, чтобы не попасть под удар главы гильдии юристов: — В переносном смысле, конечно. Работает с ней, я хотел сказать... Тот получает невероятное преимущество... Куда делась моя сигара?

Запахло жареным. И не только потому, что Смит потерял сигару в складках кожаного кресла. Все сидящие за столом принялись нервно коситься по сторонам, награждая друг друга взглядами, полными подозрения.

— Но начнется война! — испуганно сообщил Смит, чем здорово удивил остальных, прекрасно знавших, что война — главный источник его дохода. — Я имею в виду не обычную войну, которую мы сейчас пытаемся устроить в Африке, — тут же поправился он. — Война между монополиями... простите, господин юрист, я хотел сказать: между уважаемым бизнесом, просто раздавит нас! По отдельности мы как прутья.

Поднялся гвалт. Каждый из присутствующих принялся выражать свое негодование, стараясь перекрычать соседа.

Террариум явил свою суть. Киавелли попытался всех успокоить, но его слова утонули в массовой истерии. Тогда он пошел на отчаянный шаг, выудив из рукава залежавшегося там джокера.

— У меня тут завалилось расследование про монополии,
— тихо проговорил он. — Давно ждет места в эфире...

От воцарившегося молчания затрещало в ушах. Через секунду послышалось тикание стрелки настенных часов, а вместе с ним раздались нервные сглатывания и звуки оттягиваемых в сторону воротников, которые, как внезапно оказалось, всем стали очень тесны.

— Вы же это не всерьез? — робко спросил технократ Бен Борман.

— Нет, что вы. Просто держу в уме. Надо было всех успокоить. — Секретарь встал, громко отталкивая назад кресло, чтобы все подсознательно поняли, кто тут альфа-самец. — Коллега только что справедливо сравнил каждого из нас с прутиком. И только вместе мы прочны как... пучок прутьев.

— Или как механизм в часах, — раздалось в ладошку из-за стола.

— Так тоже можно сказать, — проговорил Секретарь, пытаясь понять, чей это голос.

— Вы правы, нужна консолидированная позиция, — подтвердил Пратт. — Эгоистичный поиск знания разобщит нас и сделает всех слабее.

— Значит, решено? — огляделся юрист. — Один за всех

и все за одного? Не ищем Москвину, стираем эту новость и живем дальше?

Зал наполнился утвердительным бормотанием, все были за... ну или очень сильно хотели это продемонстрировать.

— Согласен. Раздувать это — риск, недопустимый для акционеров, — кивнул банкир Голдман.

— Новые модели роботов и мэфонов после этого не раскупят, — подтвердил технократ Борман.

— А война... как же тогда воевать, если пулям станет негде летать? — Смит вновь овладел сигарой и начал ей энергично дымить. — Нет, дудки. Пространство нам нужно как порох! В смысле как кислород! В общем, как всё, что горит.

Остальные директора продолжили в том же ключе. Секретарь Киавелли молча стоял во главе стола и, подперев рукой подбородок, внимательно следил за взглядами бизнесменов. Он знал их как облупленных. Он разбирался в тайных пристрастиях людской натуры и понимал, что жребий брошен, что время уже не отмотаешь назад, хотя бы потому, что времени просто нет...

— Господин Секретарь, — обратился к нему главный юрист. — Вы с нами? Подтверждаете отказ от расследований?

— Ах да, конечно, разумеется. Значит, заминаю эту новость. Массовый потребитель ничего не узнает. А если будут задавать вопросы, мои журналисты все опровергнут.

— Отлично.

В тишине снова послышалось тиканье настенных часов.

— А я вот не пойму... — задумался, глядя на них, Гийом Жиле из игрового подразделения. — Хрен с ним, с странством, это нам еще предстоит разузнать, но что значит «нет времени»? Вон же часы, идут. Тик-так... И кстати, одного меня бесит этот звук?

Пратт переменял позу в кресле, как бы сообщая, что возьмет слово. К бесящим всех звукам добавилось еще и ерзанье по скрипучей коже.

— Там простодвигающаяся стрелка. Это *мы*, люди, настроили эти часы идти и показывать то, к чему привыкли еще наши предки, а именно к распорядку дня.

— Соглашусь с мистером Праттом, — сказал Секретарь, прохаживаясь. — Жизнь «течет» потому, что элементарные частицы просто кружат в неповторимом танце Вселенной. Все просто существует друг относительно друга. Даже Эйнштейн понимал, что понятие «время» — затычка в теории, чтобы наглядно показать объект *до* и *после*...

— Эйнштейн, — распробовал на язык эту фамилию Смит. — Это не тот, кто рекламирует новые наггетсы?

— Ах, точно! — всплеснул руками Гийом. — А я все думаю, о ком это нам толкуют.

— Наггетсы! — поддержал их Клюквин. — Так бы сразу и сказали. Теперь все понятно. Кстати, сюда можно сделать заказ? Старина Сеймур наверняка имеет выход на этого пол-

ковника Сандерса, верно? Прикажите ему, как старший по званию, прислать нам партию на пробу.

Рассмеялся только Клюквин. Очень быстро его смех зачах, и он стал жалостно озираться по сторонам.

Киавелли и Пратт задумчиво переглянулись, даже не пытаясь закатывать глаза и мотать головами — и так все понятно. Не менее задумчиво переглянулись и остальные сильные мира сего, не до конца сознавая, самую ли суть дела они ухватили или только топчутся рядом.

Акулы бизнеса, которым все досталось по праву рождения, не могли похвастаться выдающимися талантами, зато культивировали в себе качества низменные, а именно подлость, коварство и наглость. Их посетила общая мысль, и все как один заторопились закончить собрание. Киавелли это заметил и мгновенно просчитал ситуацию, после чего ему оставалось только проверить, правильно ли он угадал их настрой.

— Что дальше по плану?.. — как бы невзначай спросил он. — Ах да, кофе-брейк с канапе. Только не путайте кнопки, а то засорите нам машину для ботоцида.

Как удачно, что его помощница Лидия именно в этот день приволокла на работу тонну своих канапе. Отличный предлог. Крючок, брошенный прямо в центр стола.

— Не-не. Не сегодня, — махнул рукой Минск, пятясь к выходу неповторимой крабьей походкой.

— Действительно, — кивнул страховщик, перерезая

Минску дорогу. — Что-то мы засиделись.

Секретарь лишь развел руками.

— Но мы остаемся так после каждого заседания... — напомнил он. — Говорим по душам, обмениваемся идеями... Скрепляем мир.

— Мне кажется, мир уже достаточно крепок, хоть зубами грызи, — бросил Смит, по-военному маршируя к двери, едва не выбивая подошвами искры из пола.

Остальные заседатели тоже хлынули к выходу, как песчинки песочных часов в единственное на всех узкое горлышко.

— Мне еще одного бота надо продать, — припомнил технократ Бен. — Иначе акционеры расстроятся.

— Продайте мне, — поводит крючком Киавелли. — С радостью куплю.

— Ну не, так не считается, — пошел на попятную Бен. — Надо это сделать по всем законам маркетинга, облапошив какого-то дуралея... я хотел сказать потребителя.

У выхода собралось уже с десятков людей. Как правило, двустворчатая дверь не заставляла усомниться в своей ширине и заподозрить, что она может оказаться маленькой. Но десять человек, одновременно ринувшихся в нее и застрявших, убедили в этом даже закоренелого скептика. Только господин Пратт удерживал относительное хладнокровие, лишь незаметно дрожа от нетерпения в паре метров от того места, где в менее загруженные времена, при ясной погоде,

можно было увидеть дверной проем.

Единственным, кто никуда не спешил, был Киавелли. У него уже созрел план.

— Вы ведь понимаете, что, если кто-то начнет поиски Москвиной, остальные тут же об этом узнают? — спросил он.

— Конечно! Мы все как на ладони в этом цифровом мире, — оживился юрист, пытаясь просунуть за пределы зала хотя бы ладонь, из принципа.

— А ваших я что-то не вижу... — справедливо заметил Пратт. — Ладоней.

— Да вот же они!

— Покажите!

— Нашел дурака! Тогда кто-то сможет быстрее меня юркнуть в дверь!

Киавелли впервые в жизни видел такую большую дверную пробку, да еще говорящую.

Так или иначе, упорство победило упрямство и не без помощи спасателей, выломавших створки дверей, все корпораты оказались на свободе и тут же рванули к ближайшему пожарному выходу из здания и далее к своим лимузинам и вертолетам с такой скоростью, будто пространства и правда нет. Секретарь стоял у развороченного выхода и задумчиво глядел вслед... «Лучше бы найти Москвину, ведь не обязательно твердо верить в идею, чтобы воспользоваться ее гипотетическими благами. Христофор Колумб, например, по-

плыл на запад в поисках нового торгового пути в Индию во времена, когда никто не задумывался об этой возможности. Огромный риск умереть или, что еще хуже, навлечь на себя гнев инквизиции, и никаких гарантий успеха. Но бизнес оказался сильнее. Если что-то возможно — бизнес уже тут как тут.

Индию Колумб не нашел, зато наткнулся на континент, полный золота и картошки».

— Картошки? — переспросила Лидия. — Я же принесла канапе...

— Ах да, канапе, — пришел в себя Киавелли. — Очень вкусно. Спасибо.

— Вы даже не пробовали... Чеснок может и забродил, но я же старалась...

Не обращая внимания на ее эгоцентричные слова, Секретарь направился в сторону своего кабинета, перед которым, в приемной, он оставил Глума — человека, возвращенного ботами и желавшего нести людям пользу, почему-то работая в Комитете по СМИ. Все равно что устроиться в инквизицию, желая согреть людей.

— Забрала протокол собрания, — сказала Лидия, которая даже шпильками выстукивала ритм, как первоклассный стенографист. — Подождите, я не успеваю из-за туфель.

— Уничтожьте.

— Ладно, — снимая на ходу обувь, обреченно сказала де-

вушка. — А что делать со стенограммой?

— Эм... Я же сказал унич... впрочем, отдайте ее лучше мне.

Получив от Лидии диски со стенограммой, Киавелли спрятал их в свой карман.

— Я слышала конец разговора, — продолжала помощница, пока они возвращались к приемной. — Начнете искать Москвину?

— Официально нельзя, — мотнул головой начальник.

— Но остальные...

— Тоже официально ничего не начнут.

— А неофициально? — Лидия, несмотря на свою гастрономическую простоту, являла недюжинный интеллект.

— Глум еще здесь? — задал встречный вопрос Киавелли и тут же получил наглядный ответ, так как за следующим поворотом коридора оказалась его приемная, в которой на небольшом диванчике неподвижно восседал Глум.

— Как раз хотела сказать. — Лидия с трудом семенила босиком по чему-то острому, разбросанному по полу. — Он сказал, что у ботов начинается час покоя, и замер. Вот сидит так с тех пор.

— А что на это говорит профсоюз?

— Он это и придумал. Так они служат дольше.

— Понятно... привык к их жизни... надеюсь, хоть «масло» не сливает как бот?

Помощница начала испуганно вытирать руку, которой

здоровалась с Глумом.

Киавелли тем временем подошел к гостю и вопросительно уставился в его открытые глаза с метрового расстояния. Увлекательная дуэль взглядов продолжалась десять минут. Наконец Глум заморгал (отдадим должное Киавелли — он никогда не проигрывал), вскочил и сразу затараторил:

— Лидия рассказала, что я могу воспользоваться уничтожителем ботов через дорогу, якобы ваш может от меня засориться.

Киавелли вспомнил, что рассуждал об этом перед собранием. Ухмыльнулся и приобнял юношу. На его счет появились планы получше.

— Это всегда успеем, ведь так?

— Ну да, дело нехитрое.

— Я вот что подумал... Все еще хочешь работать в СМИ? Добродушное лицо Глума расцвело, как одуванчик весной.

— Я готов! Что подписывать? — Его глаза горели факелами правды, а рука тянулась за цифровой подписью.

— погоди подписывать, — одернул его Секретарь. — Когда-нибудь слышал о внештатной работе? Во все времена ее величеству Истине требовались особые журналисты...

Глум округлил глаза и смог извлечь из себя лишь три буквы.

— Вау! — потом добавил еще четырнадцать. — Секретный агент!

— Ну, не настолько, — попытался успокоить его Киавелли.

— Я буду как Джейми Бонд! Только в мужском обличье...

— Знаешь, в старые времена чего только не было. — Секретарь положил ладонь ему на плечо.

Глум схватил руку шефа и сжал в восторженном рукопожатии. Впервые за день Киавелли поверил, что стоящий перед ним экспонат действительно может быть ботом — например сгибальщиком балок или соковыжималкой.

— Лидия, запиши меня на рентген руки, — велел он помощнице после того, как выпутался из доброжелательных лап этого робомаугли.

— Что от меня требуется? — приступил к делу Глум, достав из штанов старомодный блокнот и еще более устаревший карандаш. Но в условиях максимальной секретности, где все друг у друга как на ладони, такой подход нес в себе массу плюсов. И ни одного минуса, кроме того, что это добро очень легко потерять.

— Надо найти человека, — понижая голос, сказал Киавелли. — Алису Москвину. Неофициально. Никакого обсуждения в Сети и никаких официальных запросов, понял?

— Отличное дельце, — наивно проговорил Глум, пылая светлой улыбкой. — Поможет реализовать потенциал... Если он у меня есть... — Он впал в раздумья.

Киавелли повернулся к Лидии.

— Может, еще кого найдем?

— Все остальные устроены у нас официально либо уже засветились с вами.

Вздохнув, Секретарь вновь повернулся к Глуму.

— Один ты не справишься. Найди кого-нибудь в команду. Но избегай официальных организаций и профсоюзов, они все на виду у корпоратов, ты понял? Бери только тех, кто нигде официально не числится, не работает.

Парень закивал, скрипя карандашом по блокноту.

— А как пишется «Масквина»? — спросил он.

— Через О.

— Нет, я имею в виду первую букву.

Киавелли оставалось лишь стукнуть себя по лбу.

* * *

Иван Айван долго пытался открыть дверь своей съемной студии в Гарлеме. Черномодульные³ роботы, косясь на него, плелись по грязному коридору доходного дома в поисках шальной розетки. Они с недоверием поглядывали на соседа, неспособного даже разделить фазу на троих. Обстановка электризовалась.

Детектив таки прошмыгнул в квартиру — когда догадал-

³ Их красили в черный не потому, что Гарлем имел специфическую историю. Просто черный цвет лучше поглощал свет для подзарядки фоточастиц. И так уж совпало, что большинство этих ботов стекалось за новой дозой энергии в «Гарлемский единый терминал технического обслуживания». ←

ся, что проще использовать глючную и заедающую ключ-карту не по прямому назначению, а как пластину для взлома. Проникнув к себе, как тать в ночи, он оказался в крохотной комнате с маленькой кухней справа у входа и зоной отдыха ближе к окну. Там его ждал старый диван и хлипкий столик с бутылкой виски. Иван покачал головой.

— Вот мы и дома, Альфи.

Горе-предсказатель против такого звучного имени не возражал. Лишь равнодушно ответил:

— Сегодня вам лучше воздержаться от мытья окон.

Иван сразу узнал в нем родную душу.

— Непременно воздержусь... раз так надо.

— Особенно если боитесь высоты и еще не купили подписку в «Платиилисдохни», а заодно и в «Сдохнулплати».

— А, вот ты о чем...

Детектив поставил Альфи на край кухонной столешницы и плюхнулся на диван, преодолев невероятные для его физической формы пятнадцать сантиметров. Месяцы тренировок, и он научится делать это без разбега. Только вот мир не дает ему столько времени...

Иван увидел извещение от домовладельца и тяжело вздохнул. Затем открыл безалкогольный (потому что не хотел делать свою жизнь еще хуже) виски и попытался насладиться последними часами аренды квартиры в Нью-Йорке.

— Нас выселяют, Альфи, — сообщил он. — Денег нет. Работы тоже... еды... Нет, тут надо что-то пожестче.

Покопавшись рукой под диваном, он достал непочатую бутылку безалкогольной водки.

— Вот это что надо...

— Не забудьте про чистоту, — то ли читал гороскоп, то ли занимался нравоучениями нудный Альфи.

— Знаю, знаю. Но глупо прибираться за два часа до выселения, правда? Тем более что квартиру мне дали в еще худшем виде месяц назад... Слоёв пыли было намного больше!

— И главное, проверьте, выключен ли утюг.

— Ты единственный, кто меня понимает, — вздохнул Иван, посасывая напиток.

Он погружался в густые дебри самобичевания, прокручивая в голове все упущенные за этот месяц возможности.

— Меня не приняли в профсоюз детективов, понимаешь, Альфи? И ни в одно из существующих детективных агентств, хотя я стучался *во все*! Оба закрыли предо мной двери. Якобы сейчас всем занимается Интеллект. Но куда делся старый добрый социальный контакт? Как в старых нуарных фильмах...

— В конце дня можете порадовать себя азиатской пищей, — издал бессердечный Альфи.

— У меня нет денег, дружище. Всё, что не ушло на аренду, я слил на рекламу. Эти гады из поисковой системы «Кругл» обещали предельную вовлеченность, адресную рассылку и прочее. Чертовы монополисты. Знаешь, сколько было просмотров? За месяц. За тысячу доблей.

В мрачной студии повисла глубокая тишина, нарушаемая лишь звоном бутылки с безалкогольным пойлом. Но Альфи не заставил себя долго ждать.

— Поставьте перед собой цель, и вы непременно ее добьетесь... добьетесь, — сообщил он.

— Говоришь точь-в-точь как эти гады из «Кругл». — Иван приподнялся. — А я тебе скажу, сколько. Ноль! Ни единого! Веришь?

Пустой взгляд недобота мог означать что угодно, в том числе и недоверие. Чтобы доказать свою правоту безжалостной железяке, неудавшийся детектив сел на диван и достал из-под подушки старый ноутбук, который нашел однажды на мусорке. Тот еще открывался и даже частично показывал. Клавиши в большинстве своем тоже работали⁴. Разве что производительность его была всего пять кветтафлопс. Но ничего, в семье не без уроды, как говорится. Свое дело он выполнял.

Иван стыдливо закрыл сайт с термоботками, зашел в онлайн-кабинет «Кругл» и показал Альфи обещанную статистику.

— Ой, там остались деньги, — удивился он. — Пять доблей. Как раз на будку для самоуничтожения в «счастливые часы».

— Старайтесь не опоздать, — подбодрил его Альфи.

⁴ Кроме четырех самых популярных в Гарлеме букв, которые были безжалостно вдавлены. ←

— Да, да, знаю, что эти будки сделаны только для роботов и после людей там все засоряется. Но какой у меня выход? Смотреть, как эти черномодульные забирают наш хлеб?

— На завтра ожидается переменная облачность и двадцать градусов выше нуля.

— Ты прав, — возвел руки кверху Иван. — ООН ведь платит нам деньги. Прожиточный минимум... Просто смех. Там только тысяча доблей, талоны в супермаркет... всего пять авиаперелетов в месяц, десять сеансов вирта, спортзал, курсы саморазвития по выбору и абонемент в дом терпимости... никаких робопомощников, понимаешь? А так хочется...

Чем выше пирамида Маслоу, тем сильнее от нее укачивает.

Хладнокровная железяка молчала.

— Ты что, сломался?

Еще более очевидная тишина, чем прежде.

— Ах, я отключил тебя, когда дернул рукой!

Он включил Альфи, и из малыша пролился невразумительный поток накопившихся предсказаний и пожеланий.

— А, будь по-твоему! — Иван сделал два шага назад. Сделать три он не мог, чтобы не выпасть в окно. — Пусть «Кругл» заберет все.

Детектив нажал на запуск рекламы, и последние его добли списались со счета. Он удобнее сел на диван и примостил Альфи на подлокотник, чтобы ему было видно... если этот недопредсказатель вообще обладал глазным модулем. По его

странной железной мордахе сложно было что-то понять.

— Вот смотри. Я выставил настройки как по инструкции, видишь? Целевая группа, пол, возраст, доход. Поставил показ людям и ботам. Показывать тем и тем... Погоди.

Глаза Ивана сначала округлились, затем полезли на лоб, а отскочив обратно под собственной тяжестью, принялись нервно метаться по кругу.

— Показывать людям и ботам...

— Не бойтесь смотреть правде в лицо! — зарядил Альфи.

— Я и смотрю, мешок ты с болтами! Я, кажется, забыл одну «И»... Показывать людям и ботам. Не «и людям и ботам», а одновременно людям-ботам, понимаешь?

В отчаянии Иван откинулся на спинку дивана, надеясь, что мир остановится.

— Поэтому ни одного просмотра! Система не смогла найти и человека, и бота одновременно, чтобы показать ему мою рекламу. Вот тебе и детектив... даже объявление подать нормально не смог. Как же я собирался вести расследования?

Недавняя мысль об окне пришла к стати, и Иван поднялся с дивана, чтобы, сделав шаг, очутиться над бездной Нью-Йорка, безжалостной и смертельной для всех, кто в нее упадет. Бездна оказалась не ахти — второй этаж над мусорным ящиком.

— Не останавливайтесь перед преградами, — с довольным видом сообщил Альфи.

В этот момент глубочайшего душевного торга в ноутбу-

ке Ивана что-то пиликнуло. Счетчик просмотров его детективного объявления впервые перескочил с нуля на единицу. В следующий момент запиликал телефон — тот самый смартфон без подписок, который Иван использовал по самому странному назначению — для звонков.

Не веря в происходящее, он просто поднес его к уху и замер в немом ожидании.

— Алло! — послышалось из динамика. — Это частный детектив Иван Айван?

У частного детектива Ивана Айвана дрогнуло сердце, а потом и все остальные органы, решившие не оставаться в стороне в столь торжественный миг.

— Меня кто-нибудь слышит? Есть кто живой?

— Я слушаю.

— Вы Иван Айван?

— Да. Это мои настоящие имя и фамилия. — Он, как обычно, начал оправдываться. — Конечно, меня бы могли звать Шон Митчик, или Карл Маркс, или Пелагей Красински, но имеем то, что имеем, — философски закончил Иван, по привычке посчитав, что над ним просто прикалываются, как было уже много раз.

— Меня зовут Глум Фримен. Хочу вас нанять для одного расследования.

— Фримен... — покрутил на языке Иван. — Это же имя работа!

— Я вырос среди ботов, а что? У вас какие-то предрас-

судки?

— Да нет, что вы... Скажите хотя бы, что не работаете на термоячейках...

— Родители мне сказали, на кислороде. Вас устроит такой ответ?

— Наверно.

— Вы ведь не состоите в профсоюзе детективов?

— Ни в одном! — уже с некоторой долей гордости сообщил Иван.

— Отлично. Вы в деле. В объявлении сказано, что сейчас вы в Нью-Йорке. Я тоже.

Иван посмотрел на ничего не соображающего робота-предсказателя, который почему-то молчал — видимо, на что-то обиделся... ну или исчерпал суточный бесплатный лимит. Совета было ждать неоткуда. Ну а какие перспективы? Умереть Иван всегда успеет. Прямо скажем — даже если не успеет, он все равно умрет. Пропустить это событие так же сложно, как собственное рождение или дождь, когда пошел гулять без зонта.

— Как с оплатой? — сообразил спросить он.

— Нам компенсируют сопутствующие расходы и дадут премию при выполнении заказа.

— А персональный робот-помощник входит в сопутствующие расходы?

— Простите, что? — послышался недоуменный голос Глума.

— Не берите в голову. Так кого будем искать?

Иван схватил первый попавшийся листок, коим оказалась этикетка от безалкогольной водки, и принялся записывать.

— Как-как вы сказали? Через какую букву? Нет, я про первую... М...

2. Занавес открывается

При фразе «подземное хранилище» Мариус Финк представлял укрепленное помещение на минус первом или минус втором этаже. Ну, максимум на минус третьем. Такое показывали тысячи раз в кино — бандиты врываются в банк, спускаются пару пролетов по лестнице и еще до приезда полиции ныряют, как Скруджи Макдаки, в золото. При условии, разумеется, что на них экзоброня, потому как незащищенный человек при нырке в груды слитков расшибется о презренный металл⁵. Но кино смотрят все, включая начальников охраны и банкиров. Поэтому в какой-то момент им пришло в голову невероятное — зарыть ценности поглубже, чтобы гипотетические налетчики не успели нырнуть в сокровищницу аки в гладь морскую и выплыть с наворованным до того, как приедет ближайший патруль.

Подземное хранилище под нью-йоркским офисом «МорганМани» оказалось поистине глубочайшим. Глубже него были только познания Джуда Голдмана в криминальных боevиках.

Финк никогда прежде не знал, что существует еще и бо-язнь глубины. Не в плане воды, а сухой и чистой относительно-

⁵ «Платиилисдохни», чтобы не обанкротиться, даже исключили такую смерть из списка страховых случаев для богачей. [←](#)

ной глубины ниже привычного уровня жизни. Вот коптишь себе небо и даже не представляешь, что в тебе может такое таиться, пока не попадешь под удар этой неожиданно нахлынувшей фобии. Впрочем, учитывая джентльменский набор этих самых фобий у Финка, стоило предположить, что список еще не исчерпан.

Ассистент Луиджи проводил Мариуса до створок лифта и передал в заботливые руки охранников.

— Позаботьтесь о нашем госте.

— А вы что же это, не поедете? — испуганно спросил Финк, озираясь на зашедших с тыла здоровенных детин. — Я думал, вы будете наблюдать, как я измеряю хранилище.

— Увы. В это время я должен быть в другом месте... гораздо более людном. — По тону ассистента сложно было понять — рад он этому факту или нет.

Так или иначе, Луиджи нервно взмахнул рукой и удалился. Как покажет история, направился он в зал для собраний «МорганМани», где неожиданно для всех решил выступить с долгой, получасовой речью на пространные темы вроде банковского отчета за последний месяц и год, а также, если карта ляжет, рассказать о благах, возможностях и свободах, которые банк несет люду.

Грузовой (слава богу) просторный лифт остановился на минус неизвестно каком этаже. Такая скрытность тоже была мерой безопасности, чтобы преступники не узнали, на какой глубине делать подкоп.

Охранники распахнули решетчатые двери лифта, и Финк, нервно сняв со спины рабочий рюкзак, шагнул в широкий коридор с неожиданно низкими потолками.

Оказывается, у Финка была еще и фобия низких потолков... И широких проходов, если на то пошло. После этого случая он зарекся смотреть фильмы ужасов. А еще чуть погодя под запрет попало и любое кино, просто на всякий случай.

— Пройдите через рамку, — сообщил ему грозный охранник. — Рюкзак с инструментами просканируем отдельно.

— У меня модуль в мозгу, — предупредил Мариус. — С курсов хранилищно-инженерного дела.

— Ничё, нормально. У нас тоже модули охранного мастерства. Детектор учтет.

Пока Финк осторожно пробирался к рамке, будто остерегаясь, что она поджарит его своими невидимыми радиоволнами, второй охранник решил объяснить:

— Это чтобы исключить вынос золота. Сканируем вас до и после. В итоге все целы и довольны.

— Я думал, вы просто будете ходить рядом и смотреть, чтобы я ничего не трогал.

Охранники засмеялись.

— Ну нет. А кто тогда будет ходить и смотреть за нами?

Оценив бескрайние возможности для рекурсии, Финк кивнул.

— Поэтому вы пойдете вообще один. А мы подождем

здесь.

Охранники подтолкнули его к хранилищу и вернулись к своему кроссворду, продолжив спор о том, где же у него горизонталь, а где вертикаль.

* * *

Иван Айван надел свой лучший плащ песочного цвета и парадную черную шляпу с полями. Он даже побрился, пока его странного вида шар с предсказаниями, а по совместительству единственный бот, от которого его не тошнило и не бросало в угар шовинизма, сыпал банальными фразами.

— Лучше не есть чеснок перед выходом, — мудро произнес он.

— Отличный совет, Альфи.

Детектив договорился встретиться с Глумом в Центральном парке, потому как боялся перепутать более сложный адрес вроде пересечения какой-то там авеню с не менее какой-то стрит. Парк он любил. И пусть там всегда было много народу — спасибо огромным пособиям по безработице — детектив придумал, как будет проще найти друг друга.

— Я буду в темно-песочном плаще и шляпе с полями, — сказал он по телефону Глуму.

— А я в белой футболке со следами машинного масла, — ответил Глум.

Иван задумался — зачем же роботу белая футболка. Но,

видимо, начался очередной модный тренд, который он упустил, как и новость о Нобелевской премии двухлетней давности. «Лишь бы не начали натягивать на себя кожу», — подумал он, беря Альфи под мышку и направляясь к выходу из квартиры.

— Весь день будет солнечная погода. Не забудьте крем от загара, — сообщил тот.

* * *

Лидия еле доковыляла домой. Куда-то запропастились ее обычные туфли, и ей пришлось надевать старые, принесенные в офис еще лет десять назад на случай ядерной войны или плохого настроения Киавелли. Они были на плоской подошве, а гордая офисная работница уже разучилась держать равновесие без каблучков. К тому же в Комитете она наступила на что-то острое и уколола ступню — пришлось заклеивать лейкопластырем. Расстройства добавлял тот факт, что коллеги не захотели есть ее чесночные канапе. Уже придя домой, Лидия изучила принесенный с работы рецепт и увидела, что кто-то из офисных служащих шутливо его изменил, добавив сплошной чеснок и странный китайский соус, который она потом с трудом смогла заказать и который ей почему-то долго не хотели вручать в пункте выдачи. Теперь она придирчиво осмотрела его упаковку и заметила среди непонятных иероглифов изображение разгоняемой спецна-

зом толпы, которому раньше не придавала значения — мало ли как китайцы там у себя веселятся. Но ничего. Во все времена человечество двигали вперед не повторения одного и того же, а смелые кулинарные эксперименты. Взять хотя бы ту картошку Колумба...

Так или иначе, Лидия не смогла съесть даже одно канапе и выбросила их все в мешок под раковиной своей современной робокухни. Не успела она со стоном блаженства плюхнуться на диван, как кухня подняла писк. Сенсоры учуяли неладное, и система потребовала избавить столь изысканный гарнитур от этого непотребства. Экран над мойкой вывел предупреждение, что иначе аннулируется подписка на автоматическую варку еды. Лидия была готова пожертвовать малым ради покоя после рабочего дня, но быстро вспомнила, что ее старая соседка очень чувствительна к звукам и запахам и по каждой ерунде грозит подать на Лидию в суд, начиная с ее безвредного желания постичь все премудрости вузузлы и заканчивая небольшой морской свинкой в качестве домашнего животного, которая, вопреки уверениям продавца, вымахала в довольно сухопутного кабана.

Лидия на цыпочках вышла в подъезд. Перед собой она несла злополучный мусорный мешок с ее не признанными современниками чесночными канапе. Общедомовой мусоропровод в конце коридора тоже был новым, а потому заартачился и не стал глотать эту гадость. После долгих стараний Лидии почти удалось запихнуть мешок ему в пасть, но су-

пертехнологичный бак его выплюнул. К ней подбежал местный бот-мусорщик с возмущением, какое обычно источают шеф-повара, когда клиенты пытаются подбросить в их блюда мух. Запахло жареным. Из своей двери выглянула соседка, уже начавшая что-то унюхивать, и Лидия пулей выбежала из дома, волоча за собой мешок.

* * *

Не успел Иван Айван сделать и пяти шагов, как вымок насквозь. Тучи были чернейшие, и лило из них так, словно над Манхэттенom опрокинулся океан из параллельного измерения.

— Не забудьте взять крем для загара, говоришь? — процедил он своему предсказателю, которого нес под мышкой.

— И солнечные очки, — с чувством выполненного долга добавил тот.

Детектив взял курс в сторону Централ-парка. Прохлюпав по лужам пару кварталов, он увидел главный вход. Деревья, трава и лужайки видали лучшие времена, но все равно смотрелись опрятно. В плену небоскребов парк всегда выглядел восхитительно. Огромный, размером с город, кусок земли, который не отдали под дорогую застройку, вселял надежду, что с человечеством еще не все кончено, что ему не чужды великие, бескорыстные чудеса.

Ивану показалось, что Альфи упрекнул его, мол, как же

искать незнакомого человека в таком большом парке, хотя на деле это просто прогремел гром. Так или иначе, детектив не унывал.

— Я же сказал ему, в чем буду. Тем более там есть полянка для встреч, что сильно сужает круг поисков, — уязвленно ответил Иван и направился в ее сторону.

В парке, по случайному стечению обстоятельств, проходил вечер памяти Шерлока Холмса, и все пришедшие также были в плащах и шляпах. Это внесло такую сумятицу, что наблюдавший с дрона за своими протезе Киавелли схватился за голову.

* * *

Совершая вынужденную передислокацию подальше от объединенных грозных сил соседки и мусоробота, Лидия не успела взять с собой зонт. Оказавшись на улице без средств к сухому существованию, она прокляла этот мир еще больше, чем обычно прокликает его уставший офисный служащий в конце рабочего дня. Ей так и не дали плюхнуться на диван! Ну ничего. Сейчас она избавится от пакета вон в той большой мусорке в начале квартала и вернется домой. Вечер еще можно спасти.

Однако дождь оказался кислотным и имел свои четко выраженные виды на этот вечер. Кислота проникла в пакет с канapé и вступила в беспощадную химическую реакцию с

чесноком и ядреными специями, ухудшив и без того тяжелую ситуацию.

Помимо редких, но едких кислотных дождей Нью-Йорк гордился своими мусорками, работавшими как станции обслуживания. Клиенту не надо было самому ничего делать — услужливый бот сам брал у него пакет и разделял мусор на пластик, стекло, железо, расчлененку, батарейки и прочее. И, как у любого работника автозаправки, у этого бота тоже было чувство самоуважения.

— Как это не возьмете? — сокрушалась Лидия, промокнув уже до последнего канapé.

— Сенсоры указывают на запрещенные вещества.

— Какие еще вещества! Вы даже расчлененных роботов принимаете!

— Вам надо на станцию переработки химического оружия. Это в двадцати кварталах на север. На Сто сорок второй стрит, — заботливо проговорил районный мусоробот и прогнал Лидию энергичными пинками, грозясь сообщить в войска химзащиты, если она немедленно не уберется со станции.

Смешав слезы с дождем, она заковыляла к метро, но бот-охранник не дал ей спуститься в подземку по удивительно схожим причинам. Лидия не понимала, что значат его вопли «Аум Синрикё!», но быстро сообразила, что лучше бежать от охранника, который включил сирену и тычет мигалкой прямо ей в лицо, а уже потом проникаться японской исто-

рией.

Преодоление двадцати кварталов по Нью-Йорку может показаться той еще задачкой, если учесть его узкие тротуары и миллионы праздно шатающихся горожан, но Лидии повезло. То ли ей выпал удачный гороскоп, то ли чесночные канapé источали свое неповторимое убийственное амбре даже при сильном дожде, но в радиусе двадцати метров от женщины никого не оставалось. Она шла, как Моисей сквозь Красное море, только вместо вод расступались люди.

* * *

Мариус Финк остался один на один с огромным подземным хранилищем, если не считать камер и сенсоров, которыми все равно не могли пользоваться засевшие у входа охранники. Потому что знакомый с системой безопасности охранник — это уже наполовину грабитель. По крайней мере, об этом твердили сотни просмотренных Голдманом криминальных боевиков. Поэтому доступ к камерам был лишь у него.

Инженер сглотнул. Он еще никогда не видел столько стеллажей с золотом, уходящих на сотни метров вперед и в стороны. Прямо скажем, он вообще еще не видел золота в слитках, потому как этот заказ был его первым после получения инженерного образования путем установки мозгового импланта по скидке. Мариус Финк оглядывался и просто не

верил.

Он не верил, что у человека может быть еще и фобия золота.

Но она была.

Тем не менее, помня о скорой прибыли, он опустил рюкзак, выудил из него лидар-сканер и принялся готовить его к работе — подкручивать колесики, выставлять уровни и нажимать кнопки согласно приложенной инструкции⁶. На самом деле он настроил прибор заранее, а о назначении некоторых кнопок даже не знал, но, памятуя о заломленном ценнике за свои услуги и учитывая кучу камер, Мариус строил из себя эксперта, отдавшего профессии проектировщика чуть больше чем два часа установки импланта и двести доблей на покупку единственного подходящего по характеристикам сканера, который, кстати, он еще успевал вернуть в магазин.

С умным видом инженер начал неспешно ходить по залу с прибором в вытянутых руках. Некоторая борьба с собой потребовалась, чтобы направить трясущиеся ноги в длинные ряды между блестящими слитками, но чего только не сделаешь ради быстрых и легких денег.

«А почему этот слиток так выпирает?» — успел подумать Мариус, глядя на криво сложенную башню из блестящих кирпичиков золота. Уже без особого удивления он обнару-

⁶ Под названием «Самоучитель по сканированию замкнутых пространств для замкнутых людей, в картинках. Том первый: Удобный хват». [!\[\]\(333e39826edeb1e82c260978301bdc0d_img.jpg\)](#)

жил у себя еще и обсессивно-компульсивное расстройство и захотел во что бы то ни стало поправить неровность в столь впечатляющем ансамбле металлической красоты.

Слиток не желал задвигаться вглубь кладки. Тогда Финк решил переложить его на более подходящее место и с силой потянул на себя. Если когда-нибудь состоится турнир по дженге и одним из участников станет Финк, ради бога, не ставьте на него ни цента.

Башня с грохотом повалилась. Мариус произнес: «Ой!» — и даже выбрал совершенно верное направление бегства, но дать стрекача уже не успел. Его завалило слитками.

Как ни странно, у него не оказалось страха быть погребенным в подземном хранилище. Эта фобия совершенно случайно обошла его стороной. Можно было наконец-то расслабиться и отдохнуть.

* * *

К часу ночи вечерний слет-конкурс фанатов Шерлока Холмса по всей логике должен был уже завершиться, однако первым испытанием для участников стал поиск места проведения, и многие просто не смогли совладать с дедукцией. Несколько сотен самых удачливых поклонников английского сыщика толпились теперь в точке сбора — на полянке для встреч Централ-парка — и удивленно поглядывали на часы. С одной стороны от этой группы стоял Иван Айван, а

с другой обреченно оценивал фронт поисковых работ Глум Фримен. Парни вновь созвонились, но ничего нового это им не дало.

— Они тут устроили конкурс на лучшего Шерлока Холмса, — с досадой сказал детектив. — Их тысячи.

Участников мероприятия было не больше трех сотен, но даже такое количество старомодно одетых салаг могло вогнать в ужас простого, неискушенного мокрыми шляпами и протертыми плащами зрителя.

— Как тебя найти? — Общие проблемы сближают, потому эти двое были уже на ты.

— Я в шляпе... ну такой, с полями, понимаешь? С полями! — твердил с растерянностью Иван.

— Тут все в шляпах. Как называется твоя модель? Хотя бы закру́глю в Инете, — предложил Глум.

— Не разбираюсь я в этих моделях! Просто шляпа с распродажи и все.

— Стало бы проще, будь у тебя подписка, — прошипел Глум. — Мы бы поделились локацией.

Иван со злости ударил телефоном о самое твердое, что смог найти под рукой, причем под рукой в прямом смысле — об Альфи.

— Не забывайте сохранять индивидуальность, — буркнул тот.

— Ну-ну... Сохранишь тут индивидуальность, блин!

В поисках Глума Иван вторгся в толпу и начал проби-

раться сквозь нее, злобно смотря людям в глаза, фыркая и обреченно размахивая руками. Некоторые шли на принцип и вступали в боксерский бой, другие нервно отшатывались. После нескольких крепких хуков Иван осознал, что многие поклонники Холмса ответственно подошли к косплею и могут боксировать, а возможно, даже играть на скрипке, нанося двойной удар по самооценке противника. У Ивана же не было ни таланта, ни мастерства, ни даже смычка, зато энтузиазм мог дать фору любому детективу-консультанту. Парень разоружил пару горе-косплееров, вызывавших у него праведный гнев, ведь правда, ну сколько из них реально работают сыщиками? Ни одного, за исключением самого Ивана. Он тут единственный имеет право носить плащ и шляпу! Его яростный прорыв не остался незамеченным: жюри оценило напор и детектив, сам того не подозревая, вышел в финал состязания двойников.

* * *

Лидия наконец добралась до станции переработки химического оружия. Но за двадцать метров до входа любительница изысканной кухни увидела, как замигали огни, и услышала вой сирены. Она остановилась как вкопанная, собираясь отдать богу душу. К зданию подъехал отряд военных в противогазах, которые пробежали мимо нее (хорошо, что в противогазах). Как Лидия смогла понять из переговоров,

точного местонахождения химического оружия они не знали — лишь сработали датчики, которые, например, извещают о радиации на АЭС. К станции уже подъезжали федеральные маршалы и спецназ.

Она вновь овладела своим скованным телом и ринулась прочь, крепко сжимая странно шипящий мешок. Дождь уже не хлестал, но легче не становилось. В мокрую погоду ночь делается еще темнее. Глаза почти ничего не видят... Зато чует нос.

У ближайшего съезда с дороги в небольшой нише у тротуара гордо восседал бомж. Разумеется, *каждому человеку* платили деньги на сытую и довольную жизнь, но этот кадр просто любил такой образ существования, довольствуясь тем, что может раздобыть сам. И нюх имел соответствующий призванию. Он сразу идентифицировал источник запаха, перекрестился и прокричал Лидии что-то вроде «Беги на север! К канадской границе!» Ну, в Канаде, по крайней мере, правили бал либералы, которые приняли бы даже такое кулинарное безобразие... Только его бы они и приняли.

Дальше на север город уже сдавал позиции природе, с трудом кое-где сохранившейся. Еще на одной свалке бот-мусорщик как-то подозрительно умело точил ножи и отрезал куклам уши. Лидия решила не искушать судьбу. Несколько километров тенями от заборов и фабрик, укрываясь от патрулей войск химзащиты, и вот уже перед глазами радостным миражом маячит старушка-земля. «Одним мешком с кана-

не больше, одним меньше — от нее не убудет», — решила Лидия, нашла возле какого-то фермерского дома лопату и принялась копать яму.

Однако уже через минуту ее накрыли крики бегущих фермеров. Все они учуяли что-то жуткое и хотели того малого, на что может рассчитывать простой труженик, — чтобы его почва продолжала давать урожай, а потому встали плечом к плечу перед общей для всех угрозой и принялись прогонять гостью.

Один из наивных фермеров, никогда не встречавшийся с городской женщиной, слишком поздно понял, что, в отличие от медведя, на нее уж никак нельзя идти одному, и получил лопатой по челюсти, а Лидия разжила его покорёженным после кульбита велосипедом.

Погоня продолжилась под зазорное дзиньканье сломанного велозвонка. В конце концов она оторвалась и смогла сплавить пакет в бурный приток реки Святого Лаврентия. Мешочек с ядреной химией мирно и беззаботно уплыл сеять хаос в Канаду.

На обратном пути за Лидией уже никто не гнался и ей стал доступен общественный транспорт. Она вернулась в город только к утру.

* * *

В Центральном парке Нью-Йорка продолжали искать друг

друга двое друзей по несчастью.

Дождь прекратился, отчего мокрая одежда казалась еще мокрее. Рубашка, плащ, брюки и тело слиплись во что-то омерзительное, и никому из них это не нравилось.

— Кажется, я тебя вижу! — послышался голос Глума из телефона. — Вот, обернись. Ой нет. Думаю, это не ты. Определенно не ты... Слушай, Иван, а не подскажешь по-быстро-му пару приемов защиты...

— От кулаков?

— От скрипок! Ай!

Внезапно собеседник замолк. Послышались глухие удары с осторожными вкраплениями струнных звуков. Вдалеке Иван слышал приятный для стороннего наблюдателя шелест драки и попытался определить направление.

И сразу же нашел бота.

— Вижу тебя! — с радостью завопил в телефон Иван и побежал в противоположную от драки сторону.

— Это хорошо, — проплевал кровью Глум. — А то я так долго не продержусь... Эти Шерлоки, знаешь ли, встают друг за друга горой. Подумаешь... по плечу их не стукни...

Ботом, которого заметил Иван, оказался орнитолог ближайшего музея естественной истории, пришедший в парк поправить скворечники, в виде которых были сделаны зарядные станции для дронов. Птицы, видите ли, больше не хотели возвращаться в Центральный парк, поэтому их заменили дронами.

— Мистер Глум! — радостно завопил Иван прямо в спину ничего не подозревавшему орнитологу.

Прелесть работы в музее, особенно если в него никто никогда не ходит, состояла в наслаждении одиночеством, поэтому при виде несущегося на него долговязого чудака бот вздрогнул и уронил столб, с которого выпал скворечник. Из скворечника в свою очередь выпала пара еще неовинтившихся дронов.

— Ишь, что наделал! — возмутился работник культуры.
— Как мне их теперь поднимать?

— Вы не Фримен?

— Может, и Фримен, — задумчиво произнес тот. — Почти у всех ботов такая фамилия. И что с того? Смотри, что наделал!

— Простите, я, кажется, обознался.

— Помоги лучше скворечник поднять!

* * *

Секретарь Киавелли, как обычно, задержался в офисе. Он всегда оставался дольше своих работников, и не только потому, что пытался сохранить за собой флер таинственной и хитрой личности. Просто он не хотел возвращаться домой. Его корбило и бросало в дрожь от одной только мысли, что, пока он мерно посапывает в своей кровати, шестеренки коварного мира продолжают вертеться, а миллионы людей

строят гадкие планы и оттачивают свое мастерство по подлomu и безудержному захвату власти и денег, денег и власти. Пока Киавелли отдыхал, главы всех крупных консорциумов-монополистов бодрствовали и пытались его сожрать, как акулы-убийцы, или, например, как пираньи-убийцы. Или как убийцы-убийцы, что более точно описывало их настрой.

Нет, Секретарь не мог позволить себе отдыхать. Он поднялся с рабочего кресла и открыл за книжным шкафом проход в свое тайное убежище. Этот его второй, более просторный кабинет располагал бильярдным столом, удобным диваном для размышлений о власти, дубовой мебелью для разных бумаг и планов по получению еще большей власти и, разумеется, огромным, во всю стену, аквариумом с вымершими в дикой природе розовыми дельфинами, ведь ничто человеческое не было Киавелли чуждо.

Он разложил на столе нечто похожее на тараканьи бега, где вместо тараканов оказались фигурки тайных агентов, а каждая из десятка цветных дорожек была подписана названием организации, чьи представители присутствовали на недавнем собрании.

Только Лидия знала о тайной комнате и всегда помогала шефу, но в этот вечер до нее было не дозвониться. Она ушла домой и не отвечала на вызовы. После десятого раза на звонок ответила ее соседка и злобным голосом, намекающим на «нехрен так долго трезвонить!», сообщила, что Лидия куда-то выскочила с подозрительным мешком, забыв взять

смартфон и зонт.

Киавелли пожал плечами и продолжил расставлять фишки на поле гонки за ценным знанием Москвиной. Он догадался, что каждая фирма выставила своих бегунов. Точнее, *он знал*, что каждая фирма выставила своих бегунов, ведь, согласитесь, сложно стать управляющим целым миром, не прибегая к самым низким и подлым делишкам вроде прослушки всего и вся. Члены Комитета по СМИ как нельзя кстати подходили под понятие «всего и вся», а потому, стоило им пустить по следу пропавшей Алисы своих ищек, как Киавелли уже это знал. На час ночи расклад был таков (перечислен по мере убывания шансов):

- «МорганМани» организовал целую группу из бывших детективов ФБР с собаками, которые уже обнюхивали все места пребывания ученой за последние десять лет.

- «Райский Плод» выдрал с заслуженного покоя шестерых лучших следователей Скотленд-Ярда и Интерпола на пенсии, приложивших свои таланты к раскрытию таких известных, прогремевших в свое время дел, как «Похищение останков британской королевы», «Воровство бровей Моны Лизы» и «Кража египетских пирамид со взломом при отягчающих обстоятельствах, а именно во время матча Египет — Израиль».

- «Заводной глаз» собрал лучших сценаристов своих голливудских фильмов, и те подготовили сотню возможных вариантов развития событий. Эти варианты были отправлены

в залы для предпоказов, где эксперты уже этим вечером выбирали лучшую десятку сценариев, по которым продолжают поиск.

- «Платиилисдохни» объявил Алису Москвину пропавшей без вести и пообещал лишить наследников всех выплат от королевского двора Швеции, если она не явится в любой из офисов страховой компании, чтобы засвидетельствовать свою непропажу. В каждом ее уже поджидала группа быстрого реагирования компании.

- «Сдохнулплати» задействовала бэкдор, по которому проверялись воспоминания всех умерших на предмет нахождения в них кого-то, подходящего по параметрам под Алису. Также компания объявила бесплатный пробный период своей загробной подписки, чтобы как можно больше людей присоединило к себе их бэкдор.

- «Хеми спортс» выкатил необычную тему для своего еженедельного спортивного марафона, в котором участвуют все зожники мира: «Бегаем стометровку вокруг молодых женщин-ученых» с обязательной отправкой геолокации, иначе еженедельная активность им не зачтется.

- Профсоюз ботов разослал всем ста миллиардам своих членов необычный зашифрованный приказ, о содержании которого нетрудно было догадаться.

- Гильдия юристов собралась на внеочередное экстренное заседание, дабы подготовить несколько вариантов исков и апелляций, чтобы затаскать по судам любого, нашедшего

Москвину раньше них.

- Тайный внештатный сотрудник Комитета по СМИ Глум Фримен пытался нанять такого же внештатного и тайного детектива, но пока они не могли найти друг друга в Центральном парке.

Киавелли вздохнул. Он передвинул почти все фигурки гонщиков ближе к заветной цели, кроме своей собственной. Немного подумав и еще раз оценив обстановку, он отставил свою фигурку назад от стартовой линии. Настолько назад, что она упала со стола и закатилась под бильярдный стол.

* * *

— Погоди, Глум. На меня тут несется какой-то безумный чел! — крикнул Иван в телефон и бросился наутек.

Он не обладал самым продвинутым воображением в мире, но даже того, что имелось, хватало, чтобы понять: выходец из семьи ботов с фамилией Фримен — это бот, а не окровавленный человек, почему-то несущийся к нему с таким странным видом, будто только что выиграл в лотерею. Да, пожалуй, именно радость на лице незнакомца пугала больше всего. Ну вот кто в здравом рассудке, окруженный сотней детективов в плащах и шляпах, будет радоваться при виде еще одного детектива в плаще и шляпе?

— Да стой же ты! — кричал незнакомец. — Я же вижу, ты меня слышишь! Вон телефон у уха!

Сложно прожить месяц в арендованной студии в Гарлеме и не стать впечатлительным. Поэтому Иван сделал добрые пять кругов вокруг восторженной публики, прежде чем сопоставил голос в трубке с голосом бегущего за ним чудака. А восторгалась публика потому, что в конкурсе на физическую активность победил тот же, кто выиграл в конкурсе на лучшее боксерское уклонение и взял приз за волю к победе. По странному совпадению у них еще был конкурс на самого сливающегося с толпой детектива, в котором Иван тоже стал лучшим, хотя даже не подозревал о своём участии.

— Так ты не робот? Я же думал, ты выглядишь как робот! — озадачился он, когда силы к бегству иссякли и опустевшее в разуме место заняли искорки здравого смысла.

— Внешность обманчива, знаешь ли, — надулся Глум. — Мама-бот всегда говорила: не суди о книге по обложке... а по штрих-коду.

— У нас победитель! — их диалог прервал голос жюри.

Более тесное знакомство начинающих детектива и журналиста пришлось отложить на период чествования триумфатора конкурса двойников Шерлока Холмса. Пока наблюдавшего с дрона за всем этим безобразием Киавелли коробило от каждой потерянной минуты, Ивана наградили памятной лентой (разумеется, пестрой) и прочитали ему какую-то замызанную цитату из Конана Дойля. Замызанную в прямом смысле, потому что один из членов жюри тоже доверился прогнозу погоды и не взял с собой зонт.

До кучи Глума признали лучшим доктором Ватсоном, хотя в изначальной программе вечера такой дисциплины даже не значилось.

Далеко за полночь шумная компания двойников оставила двух лауреатов в покое и отправилась бороздить ночь.

— Готовьтесь к неожиданному успеху, — впервые за несколько часов проронил Альфи.

— Ну разве он не чудо? — Иван поглаживал своего бота, стоя напротив Глума.

— Мне показалось, что ты не сильно жалуешь ботов, — заметил тот. — Называешь их по-расистски роботами...

— Как не любить такого милаху?

Киавелли бросил следить за ними с дрона (за которым уже бегал смотритель музея с сачком) и пошел биться головой об аквариум.

* * *

В подземном хранилище «МорганМани» стоял легкий дымок от пыли, поднятой падением башни из слитков. Это была родная сестра библиотечной пыли, так размеренно обволакивающей все книги и стеллажи. Как оказалось, золоту ничто человеческое не было чуждо. Оно тоже томилось в пыли. Вскоре, когда дымка несколько разошлась, из завала показалась рука со сканером. Она покрутилась как перископ, но не столько оценивая обстановку, сколько пытаясь сохра-

нить драгоценный аппарат, который Мариус Финк еще надеялся вернуть в магазин. Он был очень прижимистым человеком и в какой-то мере скупым. Даже на курсы инженеров подземных хранилищ золота он записался по скидке, которая избирательно пришла на его личную почту. От таких подарков судьбы не отказываются.

После вывода сканера на безопасную от грубых неотесанных слитков дистанцию из их пучины появилась голова Финка. Два его разъяренных глаза уставились на камеры видеонаблюдения, но охранники не могли следить за работой маэстро и поэтому не бросились ему помогать.

Мариус с трудом выкарабкался из кучи и окинул ее оценивающим взглядом. Три метра... или в чем принято измерять хаотично сваленные золотые кучи? Для золота ведь всегда придумывают особые термины, чтобы не как у людей. Финк остановился на трех кубических унциях. Он представил, какой штраф выписывает ему государство или, не дай бог, корпорации за осквернение их золотого запаса, и принялся быстро складывать слитки на место.

Таким образом, работа в хранилище заняла три часа вместо ожидаемых тридцати минут.

* * *

В зале для торжеств «МорганМани» царило уныние. Совет из топ-менеджеров компании собрался на дармовой и

очень короткий, как они думали, ужин, который проводится каждый месяц. Однако заплатить за него пришлось слишком высокую цену. Уже три часа они слушали выступление ассистента главы банка Луиджи. Поначалу тот читал речь с листа, что обманчиво навело на мысль о быстром конце официальной части и начале чуть менее официальной жрачки, но время шло, а Луиджи не думал заканчивать. Он лишь украдкой поглядывал в сторону холла.

«Ишь разошелся, пока Главный на совещании», — думали директора, сверля его голодными взглядами.

«Да мы пять часов не ели! Готовились набить брюхо!» — злились самые жадные.

Но Луиджи был непреклонен. Начав с показателей квартального отчета, он углубился на полгода назад, потом стал распинаться за прошлогодний отчет, крутя его на смартфоне, который он прятал за стойку трибуны. И продолжал углубляться в мрачное прошлое.

— Где же официанты? — пробежал шепот по залу, запруженному торжественно украшенными столами с дорогими тарелками, сиротливо стоящими без еды.

— Не придут, пока не закончится вступительная речь, — отвечал второй голос.

— Какая-то она прям не очень вступительная. Он ушел с ней уже в прошлый век!

— А мне двадцать первый век нравился, — с ностальгией по горячему школьному питанию шепнул третий.

— Да плевать на век. Лишь бы уже пожрать.

— Это да...

* * *

Мариус Финк, с трудом перебирая ногами, добрался до пункта охраны у входа в хранилище. Он ведь мог запросто умереть! На его осуждающий взгляд один из соглядатаев подземелья ответил, мол, таковы инструкции.

— Ни в коем случае не смотреть, чем вы занимаетесь, — сказал он. — Указания свыше.

— Безопасность превыше всего, — ответил его коллега. — Охрана не должна знать устройство хранилища. Иначе эта охрана захочет сама все украсть, и придется охранять уже ее.

— А на охранников охраны не напасешься, — резонно напомнил первый. — Вещи, пожалуйста. Осмотрим на предмет золота.

— Чтобы вы ненароком ничего не вынесли, — поддержал его второй. Этой парочке бы в варьете выступать, дуэтом.

— А то нынче золото нестабильно, — добавил первый.

— Ну да, — сообразил Финк. — Курс колеблется. Войны в Африке, эпидемии в Антарктиде.

— Да нет же! Нестабильно в смысле его штабеля зачастили разваливаться. А нам потом ходи собирай по всему подземелью... Знаете, как это трудно с завязанными глазами?

— Вы не поверите! — загорелся Мариус. — Сейчас как

раз...

— Цыц! — одернул его охранник. — Ни слова! Нам нельзя знать, что вы делали. Лучше кладите вещи на осмотр.

Мариус положил свою сумку и верхнюю одежду на протяжную ленту, а сам в нижнем белье прошелся сквозь рамку.

— Этот ваш приборчик, — заметил второй охранник, хватая ценный и, самое главное, остающийся еще на гарантии сканер. — В него могло что-то попасть. Открыть бы.

— Нет! — вскрикнул Финк, словно переносил в нем все ворованное золото мира. Но для его скупердяйства дело обстояло даже хуже, чем если б там было золото. — Нельзя срывать пломбы! Иначе не вернуть в магазин!

— Зачем же вам его возвращать? — справедливо спросил охранник.

— А вы думаете, ко мне стоит очередь из банков с подземными золотыми хранилищами? — куда справедливее ответил Финк.

Страж подземелья кивнул.

— Ладно. Раз пломбы на месте, значит, и приборчик не открывался. Пускай проходит.

Ближе к полуночи Мариус выбрался на свет божий. Точнее сказать, на такой прекрасный и вожаделенный свет первого этажа банка. Ни тебе большой высоты, ни такой же пугающей глубины. Ровно то, что врач прописал. Ноль метров над уровнем тротуара. Плюс-минус.

Из зала собраний, по сравнению с которым даже Чисти-

лице стало раем, доносилась упорная и неумолимая ко всему живому речь ассистента Голдмана:

— Таким образом, Генри Морган получил право законно добывать золото, бесхозно плавающее посреди океана в трюмах испанских галеонов. Родившийся в Уэльсе, в семье землевладельца... — голос Луиджи дрожал, потому как у его смартфона оставался последний процент зарядки, а более ранние годы династии основателя банка он наизусть не помнил. Конечно, можно было накинуть банальностей вроде «он, как и все пираты того времени, вырос на торрентах», но Луиджи боялся рано или поздно допустить историческую неточность — вроде неверного названия сайта. Слово «История» для него ассоциировалось лишь с историей браузера.

Внезапно он увидел проходящего в холле Финка.

— А землевладение, как известно... Всем спасибо! Официальная часть нашего вечера... ночи стремительно подошла к концу. Прошу, выносите еду!

На слове «еда» спящие директора оживились, подняли головы и попытались понять, где находятся.

— Мариус Финк! — окликнул гостя Луиджи, чтобы как можно больше людей его слышало, и со всей дури понесся в холл. — Уже уходите?

То ли сказалась долгая голодовка, то ли трехчасовая речь, но ассистент споткнулся на ровном месте. Он полетел на пугливого инженера, который быстро дернулся в сторону, но Луиджи умудрился достать бедолагу и вцепиться в его рюк-

зак, чудом избежав позора ударить в мрамор лицом.

— Уходите? — повторил он.

— Ну... да. Просканировал подземелье. Скоро составлю BIM-чертеж и прогоню через нейронку... — Финк увидел ошарашенные глаза Луиджи и быстро исправился. — Прогоню через свой мозг и дам профессиональные рекомендации, как усилить защиту.

— Премного! — Ассистент главы банка начал жать руку гостя. — Премного вам благодарен! Но поспешите, пожалуйста. У меня очень плохие предчувствия.

Эти слова слышали выползающие из зала директора — еда оказалась засохшей, а шеф-повара, целую неделю готовившегося к этому ужину, хватил удар, поэтому оголодавшие банкиры решили закрыть гештальт и общим голосованием совета директоров заказали пиццу, разминая теперь затекшие ноги в ее ожидании, попутно перемывая Луиджи все косточки.

— Почему он ведет себя так странно? — перешептывались они. — Что-то учуял?

— К чему-то готовится.

— Поэтому держал здесь высших директоров? Неужели проблемы с золотом?

— Только не золото! — схватился за сердце один из них. — Мы же набрали кредитов под его залог...

— И купили за них еще золота, — сообщил директор по операционным расходам.

— И снова взяли кредиты, — поддержал их директор по рискованным инвестициям.

— Причем у самих себя, — добавил директор по махинациям.

— И повторили так десять раз, — напомнил директор по рекурсивному финансированию.

— Но остановились, когда оперативная память банковского компьютера заполнилась под завязку, — с гордостью добавил директор по риск-менеджменту.

Мариус и Луиджи тем временем распрощались друг с другом и пошли каждый в своем направлении, сеять доброе, светлое, вечное, или что у них там было в планах... Инженер — искать удачу в ночи, а ассистент — обратно к директорам, поддерживать их боевой дух в ожидании пиццы.

* * *

Глум и Иван решили бросить якорь в каком-нибудь тихом укромном месте и отдохнуть, а заодно познакомиться и, что там еще было в планах... ах да, найти Москвину.

Они остановились на заведении «Пицца за 5 минут» и, довольные собой, принялись выбирать стол. Всем известно, что, когда в зале яблоку негде упасть, а ты настолько голоден, что не побрезговал бы даже этим упавшим на пол яблоком, с радостью займешь любое свободное место и будешь счастлив. Но выбрать стол в *пустом* зале оказалось задачей не из

простых. Один из парней хотел окопаться в центре, другой с краю, поближе к ночному городу.

— Никогда не стыдно соглашаться с молодыми, — заметил маленький предсказатель.

В итоге голосованием два против одного был выбран стол у окна.

Пока Иван косился на предавшего его Альфи, Глум с веселым задором уселся напротив него. «Лет двадцать, может быть, двадцать пять, не больше. Едва вылупившийся член общества только-только выпорхнул из гнезда», — совершенно точно определил детектив. Простая белая майка Глума намекала на его рабочее происхождение. Поддакивали ей серые хлопковые штаны и кроссы, какие обычно первыми попадают под руку, когда надо быстро вынести мусор... хотя порой для этого дела лучше надевать берцы и брать с собой трехдневный запас еды.

Глум столь же оценивающе посмотрел на Ивана: тридцать пять лет, худощавый... нет, скорее жилистый, с острыми чертами лица и черными лохматыми волосами — шляпу детектив снял.

— Пиццу ждать час, — огорошил их официант. Стало понятно, почему это заведение в кишасщем туристами городе оставалось пустым.

— Исправьте, если я ошибаюсь, — повернулся к нему Иван. — Но это разве не пиццерия «Пицца за 5 минут»?

Коктейль иронии и сарказма, которым запросто можно

было уложить лошадь, никак не подействовал на прожженного ночного работника.

— Там маленькая звездочка, а внизу подпись, что это не публичная оферта. К тому же у нас срочный заказ на сто пицц для какого-то банка. Второй час печем.

— Ночью? — удивился Глум.

— Банкиры... — устало протянул официант. — Это еще ерунда. Как-то они устроили сафари в Центральном парке...

— Нам пепперони, — остановил полет его мысли Иван.

Официант окинул их жалобным взглядом, мол, тут всю ночь совсем не с кем поговорить, а вы только и можете, что разбрасываться своими «нампеппероньями», однако заказ принял и, простояв на всякий случай еще минуту, но так и не дождавшись сочувствия, удалился.

— Так значит, ты меня нанимаешь? — спросил детектив у Глума.

— Не совсем я... мой работодатель.

— А кто это?

— Ну... А ты никому не скажешь?

— Разумеется. Я — могила.

— Не доверяйте чужим обещаниям, — донеслось из спрятанных в корпусе динамиков Альфи, который сразу огреб подзатыльник...

— Ладно. Выхода у меня все равно нет. Это Комитет по СМИ. Работа мечты, понимаешь? Нести людям правду, сообщать о том и о сем, держать руку на пульсе информацион-

ных потоков мира, делать его еще лучше.

— «Еще лучше»? — едва не подавился слюной Иван. — Чтобы сделать что-то *еще* лучше, в нем для начала должно быть *хоть что-то* хорошее.

Глум озадаченно посмотрел на него. Но даже в таком удивленном взгляде проскальзывало счастье и добродушие. «Ах да, — понял Иван, — роботов же пичкают всякими цифровыми наградами, чтобы стимулировать в их нейросети нужное нам поведение... Стоп. Он же не робот... точнее не бот».

— Мир ведь прекрасен, — улыбнулся еще шире Глум.

— Несколько часов назад я прикидывал, как подешевле воспользоваться будкой самоуничтожения роботов.

— О...

Выпорхнув из родительского робогнезда, юный Фримен еще не знал, насколько разнообразен мир. Теперь он в это вникал.

— Получается, я тебя спас? — Его радость покоряла все новую высоту, отчего у Ивана еще сильнее скривилось лицо. Ну не любил он ботов. В особенности ботов, которые умнее него (а это все боты) и счастливее (и это тоже все боты).

— Так значит, мы ищем Алису Москвину, — перешел ближе к делу Иван.

— Исчезла с радаров два года назад. Даже не явилась на вручение премии. Последний раз ее видели за сутки до назначенного торжества. С тех пор как в воду канула.

— А вдруг она умерла? Тем более если канула именно в воду... Ну знаешь, люди тонут в подводных течениях. Или падают в непролазную щель в горах, и их уже никогда не находят.

— Согласно материалам дела, которые выдал мне Киа... заказчик, ее блокчейн-счет постоянно проводит транзакции.

— А их не может проводить кто-то другой? Подглядевший ее пароль, например...

— Нет! — впервые за все время знакомства нахмурился Глум. Хмурился он тоже искренне, что располагало к нему даже больше, чем радость. — В блокчейнах авторизация по биометрии! Уже лет пятьдесят, если не больше!

— Ну прости, — надулся Иван. — Закончилась подписка на новости.

Детектив повертел в руках солонку. Еще полчаса без пиццы, и он будет готов съесть соль. А потом и саму солонку. Пытаясь оправдать свою связь с древней профессией, он начал мыслить логически, кое-где даже с некоторой опаской применяя дедукцию.

— На планете пять миллиардов людей и сто лярдов черномор... черномодульных и простых роботов.

Глум попытался скрыть обиду, но его лицо было как раскрытая книга.

— Ботов! Робот — это расистское слово! Отсылает к древнему значению «работа», а мы... в смысле они — не рабы!

— Прости, Глум. Лично ты мне нравишься.

— А мои родители, знаешь ли...

— Ради тебя я готов примириться и с их существованием,

— не очень дипломатично вывалил на него Иван.

Ввиду слабых переговорных навыков обеих сторон спор на тему расовых предрассудков иссяк.

— Главное — нам нельзя действовать открыто, — напомнил Глум.

— Значит, нужен хакер, способный на тайные ухищрения и проникновение в любые труднодоступные места, даже сокрытые от посторонних глаз, особенно те, про которые неизвестен даже факт их существования, — развел руками Иван. Лично он так не умел. Он даже не мог настроить себе робопомощника, если на то пошло. Про таких не говорят, что они с техникой на «вы» — таких даже не ставят в одно предложение со словом «техника».

— Есть один хакер, — обнадежил его Фримен. — Как раз тот, кто нам нужен. Взломал систему банка, о которой прежде даже никто не знал. И украл знаешь что?

— Не знаю, — пожал плечами Иван.

— И никто не знает! Даже сам банк!

Детектив понял, что это действительно тот, кто нужен. Но оставалась одна загвоздка.

— Мне кажется, есть загвоздка, — не преминул поделиться дедуктивным наблюдением он. — Такие мастера плаща и кинжала обычно не выставляют себя на всеобщее обозрение.

— А этот выставил! Наверное, позарез нужна работенка.

Наш случай! — Напор Глу́ма было не остановить. Он видел цель и видел способ. И ничто не могло выбить его из седла.

Детектив озира́лся по сторонам. Пищцей за пять минут и не пахло, зато пахло скорым голодным срывом. К счастью, буквально перед ним на столе лежало дело, на котором можно заострить все внимание и не думать об урчании в животе.

— Так кто этот хакер?

— Евгений Хренов. Вот его статья.

Глум показал коллеге онлайн-манифест взломщика.

— Ума не приложу, какая тайная организация может скрываться под этим псевдонимом, — высказал очевидное Иван.

— Какая нафиг организация? — насупился Глум. — Тут же написано — «евГений Хренов». В социальных сетях только один такой человек с профессией «хакер» в анкете. У него даже галочка есть — верификация.

Детектив рассмеялся. Лучше бы он прыгнул из окна... Нет, это негигиенично, ведь под окном его студии помойка. В любом случае любое занятие этой ночью было лучше, чем сидеть с наивным человеко-ботом, видящим только проблемы, цели и пути их достижения, но совершенно исключающим ступор от всякого рода препятствий, которые рисует здоровое воображение. Ну нет, это дело невыполнимо. Естественно. Никакой гениальный хакер не будет так себя представлять, разумеется.

— Мистер Евгений Хренов? Это Глум Фримен, — послы-

шалось тем временем с противоположной стороны стола. — Да, готов дать работу. Банк? Нет, лучше! СМИ!

Глум посмотрел на ошарашенного Ивана и закрыл ладонью микрофон смартфона.

— Он готов встретиться с нами прямо сейчас! Официант! Нам с собой!

* * *

Джуд Голдман возвращался с очередного собрания в свой родной банк. Подобно Секретарю Киавелли, он тоже не мог допустить мысли, что кто-то зарабатывает деньги, пока он спит. Те самые деньги, которые должен заработать он. А еще лучше просто присвоить или завладеть ими обманом (за это изощренный характер прохвоста давал дополнительные очки). Но на худой конец можно и заработать, если иных вариантов не остается. Он был банкиром без принципов.

Заметив у банка множество черных машин своих директоров, он было порадовался за трудоголизм подчиненных, но потом вспомнил, с кем именно ему приходится иметь дело, и подумал о чём-то более реалистичном. Хотя бы в теории. «Только бы не застолье! Только бы не застолье!» — понадеялся он, входя в здание.

Это было не застолье.

Это был пицца-брейк, но Голдмана сей факт не обрадовал. «Ох уж эти люди, — фыркнула Вселенная. — Исполня-

ешь их желания, а они все равно недовольны».

— Луиджи! — окликнул он ассистента, который что-то внимательно объяснял посыльным в холле. — Что происходит?

— Решил задержать их до вашего возвращения, — загадочно ответил тот.

— Ах, те анонимки! — сообразил банкир.

— Именно, анонимки. Надо смотреть, кто из директоров ведет себя странно.

— Ну ладно, продолжай бдить. У меня ритуал.

— Конечно, господин Голдман. Доброй ночи, господин Голдман.

Ритуалом был обход своего (ну или не совсем своего, но когда-нибудь оно определенно станет его) золотишка. Джуд хоть не нырял в него с головой, потому как хотел пожить еще на белом свете, но старался потрогать его, увидеть, услышать его звон, попробовать на язык и даже понюхать. В общем, сложить воедино ощущения от всех пяти органов чувств.

Он спустился на нижний этаж глубоко под землей, прошел мимо козыряющих охранников и после нескольких коридоров оказался в хранилище.

Длинные стеллажи тянулись вдоль стен и составляли многие и многие ряды посреди просторного зала. Отражая свет ламп, висели наполированные полки и ящики. Куда дотягивался обзор, виднелись шкафы без дверок, чтобы издали было видно, что там внутри. Голдман сначала посмотрел,

потом принялся, потом для надежности потрогал и даже попытался лизнуть. Все органы чувств были едины — золото исчезло. Абсолютно пустое хранилище недоуменно пялилось на него. Никакое воображение мира не могло себе представить такого количества пустых стеллажей, полок, шкафов без единой унции золота. Все вымели подчистую, забрав даже позолоту с арок в проходах, под потолком.

* * *

— Мое требование — миллиард и пять доблей, сексапильная ассистентка и вертолет, чтобы проще было добираться до работы, — как по написанному пробубнил Евгений Хренов, стоя в дверях самого дешевого хостела за пять доблей ночь, но потом с некоторой досадой окинул взглядом Ивана и Глума, одежда которых суммарно стоила меньше тысячи, да и вся их жизнь тоже. — Можно и простую ассистентку, не сексапильную, так уж и быть.

— Можем предложить только пищу. Еще теплая.
Евгений на секунду задумался.

— Ладно. Начнем с малого. — Он взял кусок из раскрытой перед ним коробки. — Вы точно не из банка? Хотелось бы, чтоб из банка. Я им весточку посылал...

— Нет.

— Они меня не замечают...

— Сделаем работу, и заметят. Ой как заметят!

Хренов снова задумался, выразительно щуря глаза. У него были длинные русые волосы, черный пиджак поверх зеленой рубашки и строгие джинсы, на ногах туфли. Выглядел он лет на тридцать.

— В ваших словах что-то есть. Кого взламываем?

Он просто шагнул вперед из дверей хостела, прямо к новым знакомым, в ночь.

— Но... вам разве не надо забрать свои вещи? — напрягся Глум.

— У меня нет вещей. Свободен, как лист... нет, так говорят про что-то другое. Вы не помните, про что так говорят? — Но не успел детектив вставить и слова, как хакер продолжил: — И давай лучше на ты. Я так понимаю, нам *вместе* работать?

Он посмотрел на Ивана с той брезгливостью, какую пытаешься замаскировать, чтобы казаться нормальным, и зашагал по улице. Двое его новых знакомых поспешили за ним.

— Я Глум, представитель СМИ, — гордо заявил парень.

— Детектив Иван Айван, — сообщил второй, что постарше. — И это мои настоящие имя и фамилия. Прошу не коверкать и не дразнить. А то некоторые любят...

— Скажешь тоже... — с тенью глубокой печали произнес Евгений Хренов. — Уж мне-то не говори...

Попутно хакер умял еще кусок пиццы. Он ел с такой скоростью и напором, что казалось — это его первая еда в жизни. Хостел тоже вызывал вопросы о его профессиональном

опыте. Но спрашивать резюме было некогда. Киавелли поставил четкие сроки — найти Алису *немедленно!* Не считаясь ни с какими издержками... потом, окинув взглядом молодого и горячего Глума, только вступившего в большую жизнь, Секретарь предусмотрительно добавил: в пределах тысячи доблей. О более крупных расходах советуешься со мной!

— Мы не взламываем, — нарушил долгую, заполненную лишь чавканиями паузу Глум. — Ищем. Алису Москвину. Вот подробности.

Он сунул смарт в руки хакеру. Тот, водя по экрану жирными от пепперони пальцами, быстро пролистал всю вводную.

— Невозможно, — отрезал он.

Детектив фыркнул, пошевелив бровями. Улица тем временем утекала назад, пока эти трое (плюс предсказатель под мышкой) бороздили ее просторы.

— Но ты же хакер! — недоумевал Глум.

— Ну и что? Не могу я найти человека, который получил нобелевку посмертно. Где прикажете искать? На кладбищах? У экстрасенсов? Взламывать «Сдохнулплати»?

— Почему посмертно? — запутался Глум, но сразу увидел, в чем дело, и вытер пятно от жира с экрана своего смарта. — Перечитай еще раз. Она самая молодая лауреатка...

— А... — засмутился Евгений, усердно вытирая пальцы о подол пиджака. — Ну живых искать проще... у них есть эта особенность, как ее... ах да: они существуют.

— Я мыслю — следовательно, существую, — поддержал его Глум.

— Золотые слова, дружище, — похлопал его Евгений. — Зафиксируй в сети, чтобы никто не украл.

— «Кругл» пишет, что это Рене Декарт, — посмотрел в сети Глум.

— Ну вот... не успел. В следующий раз не зевай.

Иван уже окончательно натер себе подмышку маленьким предсказателем, который почему-то молчал. Видимо, обиделся, что вокруг столько других людей. Детектив переложил его поудобнее и поравнялся с новыми коллегами по расследованию. Улицы ночного города словно были живыми, провожали эту четверку своим неотступным взглядом.

Глум быстро поведал напарникам об отсутствии странствия и всём остальном, чем успел тайно снабдить его Киавелли перед отправкой на поиски Москвиной.

— Надо начать с ее чейнблока... — задумался Иван.

— Блокчейна, — поправил его Глум.

— Блокчейна, да. У нас же есть его фотографии? — Попытавшись выкрутиться, Иван только глубже себя закопал.

— У блокчейна не бывает фотографий, — вздохнул Евгений. — Это зашифрованный цифровой массив данных.

— Ну мне-то можешь не объяснять, — фыркнул Иван, сгорая в глубине себя от стыда.

— В ближайшее время постарайтесь воздержаться от обмана, — предательски ожил Альфи. — И лучше избегать

черных кошек.

Если первая часть предсказания и могла заставить кого-то решить, что Альфи реально видит что-то за пределами своей шарообразной башки, то вторая явно исключала сей факт. Особенно после того, как Иван сразу же чуть не свалился в открытый люк. Зато кошек этой ночью нигде видно не было. Особенно черных.

— Ты как, не поранился? — заботливо спросил Глум, подтягивая детектива.

— Все нормально, спасибо. Альфи помог.

— Мне кажется, ты и споткнулся как раз потому, что начал выискивать в ночи кошек и перестал смотреть под ноги...

Они еще некоторое время поперепирались, но потом вспомнили о своей миссии.

— Так где нам ее искать? — спросил Глум у хакера.

— Черную кошку? Я знаю одно популярное место у рыбного ресто...

— Да нет же! Москвину!

— А. Ну... сейчас найдем компьютерный клуб, я зайду в сеть, и узнаем.

— В смысле *клуб*? — удивился Иван. Он, конечно, мало дружил с электроникой, но все равно понимал, что суперсекретный хакер должен творить свои богопротивные делишки в обстановке секретности. — У тебя же должен быть собственный комп и сервер и все такое.

— Не. Это слишком накладно, — помотал головой гроза банков. — Таскать постоянно с собой, бояться, что украдут, взломают... к тому же у меня на него нет денег. Вы же платите пиццей. Кстати... Я не наелся. Надо еще.

— Закажем! Только быстрее води в клуб! — впервые напрыгся Глум.

* * *

Компьютерный клуб был забит под завязку. Почему-то люди, будучи очень спокойными и даже мирными при ясной светлой погоде, в темное время суток любят становиться оторвами. То ли это гормоны так действуют, то ли эхо жизни пещерных людей, которым приходилось напрягать все свои органы чувств после захода солнца.

— Ну и дела, — поразился Иван при виде целой толпы в шлемах виртуальной реальности — виртах. — Тут еще и очередь...

— Ничего, подождем, — пожал плечами Евгений, пожевывая новую пиццу.

— Тебе легко говорить! — фыркнул Глум — главный счетовод их отряда. — Лишь бы побольше умять. А мне в бюджет укладываться.

— Кстати, какой он у нас? — с надеждой и придыханием спросил Иван. На пару с Евгением он уже представлял, как сорит деньгами, ни в чем себе не отказывая. Хорошо рабо-

тать на СМИ!

— Уже половину потратили.

— На две пиццы?! — в один голос воскликнули хакер и детектив.

— Ну да... мне некогда было договариваться о фондах, знаете ли! Работа утекала прям из-под носа!

— Но потом хоть заплатят?

— Потом-то да. Карьера важнее денег, поймите! — не по годам зрело заметил Глум. — Покажем себя, сделаем себе имя и вуаля! От нас в этом мире уже будет что-то зависеть. Что-то кроме утилизации пицц!

Разумеется, юный Фримен всеми своими словами подра-
зумевал беззаветную веру в добро и несение людям проблес-
ков правды и мудрости.

Разумеется, его поняли немного превратно, с небольшим
уклоном в область бескомпромиссного заработка любой це-
ной — науки, известной в определенных кругах под назва-
нием «грести деньги лопатой».

* * *

Распрощавшись с Луиджи, Мариус Финк спешно напра-
вился прочь от банка еще до того, как Голдман вернулся туда
со встречи. Уставший инженер ковылял сквозь ночь в сто-
рону магазина «Радиомир братьев Томпсон», боясь, что не
успеет вернуть сканер в срок, обозначенный законом о под-

держке прав потребителей. Усилиями небезызвестного комитета монополистов, продвинувших свою идею через все СМИ, срок этот теперь составлял лишь двенадцать часов. Половину из них Мариус ошарашенно разбирался, как записывать план помещения с помощью встроенного лидар-модуля, потом началась его встреча с банкиром, паника на большой высоте, которую быстро вытеснила паника на глубине. Мариус рассчитал время на возврат сканера с точностью до минуты, но по неопытности не учел, что провалается столько времени под грудой золотых слитков. Чтоб всё успеть, он даже пункт выдачи выбрал ближайший к банку, но магазин закрывался задолго до полуночи... по крайней мере должен был закрываться.

По какому-то счастливому стечению обстоятельств магазин продолжал нести вахту по спасению потребителей от лишних денег, явно противореча табличке на входной двери.

— Вы еще не закрылись! Какое счастье! — воскликнул Мариус. Он вынул из сканера диск с записью, которую ему предстоит превратить в чертеж нового, улучшенного хранилища, сидя дома в уютном кресле и поглаживая... что-нибудь там поглаживая.

— Хотите сдать сканер? — огорошил его ночной продавец, непохожий на того, что отоваривал его днем.

— Ну... вообще-то да. А как вы узнали?

Продавец замешкался.

— Так это... модель глючная, — нашелся он. — Почти

все возвращают.

Финк задумался. Инженер он был так себе, но логик более-менее сносный.

— Тогда зачем её так советовали на сайте? Написали, что она лучшая! Номер один среди сканеров подземных золотых хранилищ банков! Никаких сбоев и все такое... Вот буквально сегод... вчера, тринадцать часов назад!

Продавец ухватился за спасительную соломинку:

— Так это было вчера! Знаете, как меняется мир за двенадцать часов?

— Становится темнее? — предположил Финк.

— И модели выходят новые. Ну так что? Будете возвращать? Или...

— Буду!

— Вот документы. Подписывайте.

Финк недоверчиво посмотрел на продавца, но потом подумал, что, видимо, им платят бонусы даже за возврат техники. Как уже известно, Мариус был *сносным* логиком, а во все не выдающимся.

— Ну вот, поздравляю с... обратной покупкой! — торжественно сказал продавец, отшвыривая сканер себе в подсобку. — Теперь на выход. Мы закрываемся.

— Неужели вы ждали именно меня? — недоумевал Финк, но потом вспомнил про новые алгоритмы предсказания поведения потребителей, о которых читал в сети, и загадочно протянул: — А-а.

— Ага. В самую точку.

— Вот оно что!

— Даже я бы точнее не выразился, — благодушно кивнул визави, выталкивая Финка из магазина и разворачивая табличку, которая теперь могла радостно выдохнуть.

— Погодите, так я же ничего не сказал. Только «А-а»... — запротестовал инженер, но продавец холодно намекал, что этой ночью не настроен на долгие дружеские беседы — он уже шуровал по улице, теряясь в ночи.

Мариусу не оставалось ничего иного, как проверить свою кредитную карту. Там снова значился ноль. Отличная круглая сумма для человека, обычно прозябающего в долгах. «Ну ничего, скоро разбогатею», — подумал он, похлопав себя по карману с диском.

В свой частный дом в дешевом рабочем районе Лонг-Айленда он добирался по кольцевой ветке метро. На комфортной высоте ниже уровня моря и в довольно просторном пустом, если не считать банды ботов-головорезов, вагоне. Местные завсегдатаи знали, сколько можно стрясти с Финка (нисколько), поэтому не представляли большой угрозы.

От усталости он задремал и несколько раз проехал нужную станцию, едва не превратившись в местную достопримечательность, в которую хулиганы бросали монетки, чтобы вернуться, и возвращались, чтобы их своровать, заполняя тем самым свои трудовые часы.

В переходе у выхода со своей станции сонный и вялый

Финк заметил новую торговую точку компании «Сдохнулплати» с неожиданной акцией, дающей целую неделю пробной подписки совершенно бесплатно. Эта цена более чем удовлетворила бедного (пока еще) инженера, и он подошел к стойке, за которой устало сидел торго-бот. Вообще боты не уставали, но, из сочувствия к людям, вынужденным по каким-то одним им известным причинам добираться домой под утро, явно в очень разбитом виде, владельцы торговых точек ставили туда такого же вида ботов. Забота о покупателях, эмпатия и все такое.

— Тут верно написано? — спросил Финк. — Семь дней подписки бесплатно?

— Ага, — ответил бот в фирменной футболке «Сдохнулплати». — Если вы, дай боже, умрете за это время, то компания сохранит ваш разум навеки вечные... точнее, на тот срок, какой вы сможете оплатить.

— Это же огромные деньги, — удивлялся мужчина. — Даже неделя! Раньше вы себе такого не позволяли.

— Ну... вышло какое-то срочное распоряжение, — пожал механическими плечами бот. — Напрямую от директора. Неожиданная рекламная акция.

— Прямо под утро?

— Бизнес, — вздохнул запрограммированный на усталость торгош.

Финк заговорщически обернулся. Никаких головорезов не наблюдалось. Пустой переход метро.

— Оформите меня. Всегда мечтал прикоснуться к такой классной штуке.

— Хорошо, с вас ноль доблей.

— Пожалуйста.

— Благодарю.

— У меня уже есть нейрочип... — с радостью добавил Финк. — Поставил его, чтоб побыстрее научиться проектировать хранилища...

— Есть — так есть. — Бот разочарованно убрал долото и пилу. — Значит, ничего резать и пилить не придется. Настроим вас по воздуху. У вас же модуль с вайфаем?

— Конечно. И с большой памятью.

Бот достал маленькую клавиатуру с экранчиком.

— Скажите пароль.

— Один два три.

— Буквами и с пробелами?

— Простите, «123».

— С кавычками?

— Нет.

Бот только хмыкнул.

— Не бойтесь, что вас взломают?

— А кому я нужен? — парировал Финк.

— Ваша правда. Ну вот... Еще немного... Ага... Готово. Поздравляю, пробная семидневная подписка ваша.

Мариус вдохнул полной грудью. Впервые в жизни он чувствовал себя настоящим человеком, которому доступны все

прелести мира.

— Кстати, я тут глянул вашу прописку и должен предупредить, что вы живете за пределами зоны обслуживания «Сдохнулплати», — спустил его с неба на землю бот. — Мы, конечно, стремимся расширять сеть покрытия, но пока что так.

— То есть, если я вдруг задохнусь во сне...

— С асфиксией поосторожнее. Зона охвата кончается как раз перед вашей улицей. Ну да ладно, зато бесплатно! Хорошей вам недели и, надеюсь, мы скоро встретимся уже в ином мире! — отчеканил он фирменное прощание.

* * *

Айван, Альфи, Хренов и Фримен наконец дождались своей очереди. Это был довольно консервативный компьютерный клуб, а потому кроме лежаков с виртами у каждого стола громоздилось и по стандартному гигаэнергетическому компьютеру на тысячу кветтафлопс, подключенному к подвальному термоядерному реактору.

Когда троица уставших людей с мини-ботом добралась до администратора, лицо того просияло.

— О, хакер Хренов! Вернулись!

Глум недоверчиво зыркнул на хакера.

— Вы знакомы? — шепотом спросил он. — Я думал, взломщики малость шифруются...

— Да так... виделись разок...

— Ваш персональный столик?

— ...Пару раз, — раскраснелся Евгений, многозначительно мигая администратору, но тот списал все на нервный тик от долгого сидения за экраном.

— Вам как обычно? Вирт «Хакерство для чайников», урок первый?

— Просто оставь нас в покое, ладно?

Парень со злостью выхватил карту доступа из рук администратора и зашагал на свое обычное место. Его команда поспешила за ним.

— А ты точно хакер? — с тонким налетом недоверия в голосе спросил Глум.

— Да! Видишь же, он сам меня так назвал!

— Только с иронией...

Хренов сел на стул у компьютера, остальные двое пододвинули гостевые стулья. Альфи удовлетворился краем стола.

— Конечно я хакер! Так написано в интернете!

— Но... — задумался Иван. — Это ведь ты сам написал?

— И *что именно* ты взломал у «МорганМани»? Там не уточняется...

— Отвяньте, ладно? За такую плату специалиста лучше вам все равно не найти, — фыркнул Евгений и приготовился сунуть в рот последний оставшийся кусок пиццы. — Вот расплатитесь со мной настоящими деньгами, тогда и узнае-

те, что именно я взломал!

Евгений принялся усиленно жевать и не менее усердно молотить подушечками пальцев по клавишам. Можно было просто подключить нейрошлем и вводить слова силой мысли, но для пущего драматизма он решил печатать это по старинке.

— Ять сек и, я унаю, де аша Алиса, — сказал он с набитым ртом.

Глум и Иван едва успевали следить за полетом курсора. На черном фоне экрана тут и там появлялись слова. И чем быстрее печатал хакер, тем больше таких слов появлялось. В основном одинаковых.

— А что значит «Ошибка. Неизвестная команда»? — почесал подбородок Глум.

— И почему их так много? — поддержал его Иван. — Если так подумать — в них весь экран.

Хакер психанул:

— Я нервничаю, когда на меня так пялятся! Отвернитесь!

Ивану и Глуму ничего не оставалось, как, тяжело вздохнув, отвернуться. Так они просидели какое-то время, играя с безмятежным Альфи как с котом, когда администратор сказал, что кредит Хренова заканчивается и надо либо доплачивать, либо проваливать. Нервное напряжение возрастало. И чем ближе становилось утро, а с ним и тяжесть от бессонных ночных часов, тем больше этого напряжения копилось в Иване и Глуме.

— А знаете что... — от безысходности сказал хакер. — Кажется, я придумал... в смысле нашел. Надо лететь в Москву.

— Почему? Ты раскопал ее след?

— Не совсем...

— Проследил переводы блокчейна?

— Я бы так не сказал...

Иван задумался.

— Вообще-то, — медленно протянул он, — я бы тоже начал с Москвы. В конце концов Алиса у нас *Москвина*, ведь так? Связана как-то с Россией, мне кажется.

— Ну и зачем нам тогда хакер? — развел руки Глум. — Мы бы и так это поняли.

— Но он вышел на это со своей стороны, ведь так? — Иван сурово посмотрел на Евгения.

— Да, да, конечно, — тот решительно закивал, в ужасе представляя, как лишается бесплатной кормежки пиццей.

— Значит, начнем с Москвы. Где тут ближайший аэропорт?

* * *

Мариус Финк добрался до своего не самого фешенебельного района Лонг-Айленда, с горечью миновал улицу, где заканчивается покрытие его новой бесплатной суперподписки, но философски заметил, что эти жизненные лишения завер-

шатся всего через семь дней, когда она истечет. Стоял пред-
рассветный час, в который редко увидишь что-нибудь увле-
кательное, а потому его внимание довольно быстро привлек-
ли блуждающие по улице факелы. При ближайшем рассмот-
рении оказалось, что это бунтуют канадские гастарботы, ес-
ли судить по рисункам кленовых листьев на их форме. Что-
то случилось, какой-то конфликт между странами, но мест-
ные жители пока еще не знали подробностей. Полисботы то-
же не понимали, почему бунт, поэтому просто сдерживали
толпу, теснившую их назад, на соседнюю улицу.

По случайному стечению обстоятельств дом Финка ока-
зался в самом центре горячей точки. Но, подобно оку цик-
лона, в нем было относительно тихо. Инженер вошел внутрь
своего гнездышка, закрыл за собой дверь и расслабленно к
ней прислонился, вдыхая долгожданный запах спокойствия,
уютa и волшебства. В спальне томилаcь взбитая и разложен-
ная постель, на робокухне в печи уже приготовился вкус-
ный ужин (перетекший в прямом смысле в завтрак), лам-
пы настроились на теплые расслабляющие тона, а прямо под
потолком, замаскировавшись под пожарную сигнализацию,
приветливо ждала... бомба.

О бомбе Мариус, конечно, не знал. Как бы ни тяготила его
жизнь, просто так уходить из нее он не спешил (как минимум
из-за страха). Тем более сегодняшняя работа должна была
здорово его озолотить.

Бомба была не простая, не с таймером, который мог сра-

ботать еще до прихода Финка, испортив всю творческую за-
тею. Эта современная модель могла похвастаться трехфак-
торной аутентификацией для точного и гарантированного
исполнения всех ваших планов (вырезка из рекламного бук-
лета). Первый уровень Финк прошел, зачем-то поздоровав-
шись со своим домом — бомба приняла его голос. Вторым
уровнем был анализ его походки, когда он начал отходить
от двери. Третьим оказался секретный вопрос, на который
только Финк мог ответить правильно.

— Как звали вашего первого питомца? — спросило нечто
из пустоты.

Мариус немного задумался. С одной стороны, это стран-
но. С другой — в автоматической кухне лежит еда и это мо-
жет быть ее контрольный вопрос — Финк еще не до конца
разобрался с ее настройками. Он всю жизнь отвечал на эти
вопросы, то подключая новое умное освещение, то активи-
руя нейроподписку. Поэтому он без задней мысли ответил:

— Арчибальд третий. В честь...

Дом взорвался, засыпав осколками всю округу. Входная
дверь вылетела, как пробка из особо игристого огненного
шампанского, а вместе с ней и впечатанное в металл тело
Финка с торчащими всюду конечностями, как у краба. Оно
приземлилось прямо под ноги канадских гастарботов, кото-
рые не совсем верно истолковали суть случившегося.

— Легавые! — раздалось в кленовой толпе.

— Вы че творите! Это же мирный митинг! — взревел осо-

бенно крупный бот.

Толпа приняла дверь с прилипшим к ней Финком за останки несправедливо убиенного бота, подняла его на свои клешни как символ страданий своего народа и знамя поднявшейся революции и понесла его в направлении горстки полицейских, в панике смотрящих на металлическую лавину, сходящую на них прямо по улице. Защитники правопорядка отступили еще на квартал и перегруппировались с новыми силами, получив подкрепление из Нью-Йорка. Гастарботы пожгли и перевернули пару машин, но вскоре заметили, что беснуются не из-за своего собрата, а из-за какого-то членистоногого в железном панцире. При изрядной доле воображения, коего у предоставленных на суд публики ботов не оказалось, в этой загадочной химере можно было разглядеть и дверь, и прилипшего к ней человека, но толпа остановилась на членистоногом. К нему отнеслись с подобающим межвидовым уважением и сбросили в ближайшую заполненную дождем канаву, к ракообразным сородичам, после чего пошли митинговать дальше.

К счастью для Финка, эта канава была уже в зоне действия подписки «Сдохнулплати».

Когда к телу с еще живым мозгом подъехала техническая служба компании и считала данные нейромодуля, Финк вновь ощутил себя. Точнее, он ощутил покалывание, которое теперь было им. Он ничего не видел, не слышал, не говорил, но *знал*, где находится. Осознавал происходящее слов-

но призрак, сквозь пелену тумана.

— Добро пожаловать, — услышал он.

— Я умер?

— Да. Поздравляю.

— Не ожидал, что подписка так быстро пригодится...

— Простите?

— Не берите в голову... Хм... А вы, кстати, кто? Или что?

— О, извиняюсь. Я Капс — проводник сознания в капсулы, цифровой ассистент компании «Сдохнулплати». Встречаю клиентов в их новой ипостаси, если так можно сказать, и ввожу их в курс дела...

— Я о вас раньше не слышал.

— Меня только внедряют. Проводим обкатку... Вы, можно сказать, первый клиент. Ага... Поздравляю, наверное...

— Наверное, спасибо.

Финк попытался осмотреться, но ничего вокруг *не увидел*. Зато осознал своим новым цифровым разумом. Он просто знал, что его призрак, или то, что он принимает за свой призрак, находится на улице возле канавы. Но с таким же успехом он мог находиться и в кубитовом хранилище корпорации.

— Погодите, я растерялся и кое-что пропустил, — суетливо проронил Капс.

Мариус пытался понять, как выглядит этот цифровой ассистент, но на ум не приходил никакой из юридически разрешенных обликов, не копирующих чужие защищенные об-

разы.

В цифровом мире сознания умерших в буквальном смысле подчинялись законам. Безоговорочно. Это в обычной жизни можно было хотя бы мыслить независимо и бунтарски, но когда все, что ты из себя представляешь, — лишь поток цифр в компьютере, управляемом корпорациями, — то тут уж будь добр, карты на стол. Становишься прозрачнее воздуха⁷.

«Балахон представить не могу, — думал Финк. — Пусть будет пальто. Да, Капс в пальто с... мерцающими счетами в руках».

— Так что вы там говорите? — спросил инженер.

— Я должен был приветствовать вас по брошюре. Отдел маркетинга набросал. Вот она. — Капс выудил из-под призрачного пальто брошюру и пробежался по ней своими мерцающими глазами. — Ну, в первую очередь хочу вас поприветствовать в новой версии нашего сервиса. Так, тут ставим галочку. Далее представиться... Это уже сделано. Теперь рассказ о прелестях загробной жизни... пока действует подписка, разумеется.

— У меня она всего на семь дней... — обреченно вымолвил призрак Финка.

— Оу. Печально. Думаю, за это время вы найдете плюсы в дальнейшем существовании.

⁷ За исключением воздуха вокруг заводов «Углерод плюс». ←

— Но мне нечем платить.

— Ах, вот как... И зачем тогда мы тратим здесь время?

— Не знаю. Я вас не звал.

— Да, да, простите. Мне еще не настроили степень вспыльчивости.

— Что же мне делать? — Финк *по-настоящему* испугался. Одно дело просто взять и умереть в двухминутной агонии. Другое — жить в этой агонии семь долгих дней. — У меня клаустрофобия! Я теперь заперт в тесных кубитах, да? О господи! Остановите этот кошмар!

— Простите, но у вас действующая подписка. Придется терпеть.

* * *

Лидия вернулась в город уже на рассвете и сразу направилась в Комитет по СМИ. Работа под крылом самого влиятельного человека в мире — это не совсем то, чем можно разбрасываться и что можно пропускать даже по уважительным поводам.

Пробравшись по тихим утренним коридорам к приемной Генерального Секретаря, она юркнула в свою маленькую подсобку. Маленькую по меркам Киавелли, конечно. В просторном помещении разве что не было аквариума с розовыми дельфинами. Но там имелись гардеробная и душ, а о большем уставшей женщине в семь утра и мечтать нель-

зя. Самое главное — там нашлись ее туфли со шпильками. Оставалось не перепутать душевую кабину с капсулой для самоуничтожения ботов — уж больно много их везде поставили.

Едва выйдя из душа и облачившись в свои офисные доспехи, Лидия слышала, что ее босс уже на рабочем месте. Или *еще*. По его лицу сложно было точно понять, ведь никто еще никогда не видел Секретаря отдохнувшим. Многие даже гадали, какой у него натуральный цвет кожи, но ответа не находили.

— Ах, Лидия. Хорошо, что вернулась, — с тяжелым взглядом заметил он, отводя телефон от уха. — Хм. Не спала?

У Лидии наготове уже был беспроигрышный ответ.

— А вы?

— Ладно, неважно. Это я не тебе говорю!

— Не мне? — переспросила Лидия.

— Подожди! — Киавелли поднес телефон обратно к уху.
— Я перезвоню!

Он бросил маленький смарт на диван и нервно зашагал по приемной.

— В Канаде какой-то теракт.

— О господи! — взвизгнула Лидия. — Жертвы?

— Понимаю ваши чаяния, но как бы мы ни относились к северянам, жертв, к счастью, нет. Предотвращен. Власти говорят о химическом оружии, якобы доставленном с терри-

тории США.

— Канада, США... — задумалась Лидия. — Где-то я уже это слышала.

— В школе! Так иногда называют территории со своими парламентами и так далее.

— А смысл? Решают же все корпорации... и вы.

— Дань традициям, — отмахнулся Секретарь. — Короче, канадцы гонят бучу на американцев. Перестали принимать наши воздушные рейсы. Даже их рабочий квартал на Лонг-Айленде успел восстать. Боты там живут вспыльчивые, боюсь, как бы чего не вышло.

— Мы уже освещаем?

— Нет, СМИ молчат... пока. Надо определить, с какой стороны подойти. А я не пойму, что для нас выгоднее.

Под словом «нас» Киавелли, конечно, имел в виду себя, но, применяя множественное число, он вызывал у Лидии (и у других людей) чувство сопричастности, сильное ощущение, что она тоже от этого выиграет. Хотя... нифига. Киавелли даже не позволял ей поставить такой же, как у него, аквариум с розовыми дельфинами, если на то пошло!

— Для начала надо понять, кто хотел устроить этот теракт, — потер виски Секретарь.

— Не я! — быстро вскрикнула Лидия.

Киавелли посмотрел на нее как на дуру.

— Догадываюсь, что не ты. Но кто...

— А давайте преподнесем как досадное недоразумение.

Киавелли посмотрел на нее все тем же, уже ставшим привычным взглядом.

— Кто-то случайно приготовил дома химическое оружие и еще более случайно подсунул канадцам в реку?

— Ага! — со знанием дела ответила Лидия.

Киавелли повел бровями. Сейчас бы продолжать править миром, подкармливая дельфинов, а не вот это все.

Но «это все» не собиралось успокаиваться. У Киавелли зазвонил телефон.

— Слушаю. Что? Как пропало? Полностью? А под входным ковриком искали? Я сам иногда теряю под ним клю... Понял.

Он медленно опустил телефон и посмотрел на помощницу. Его взгляд говорил одно — впереди их ждет чертовски тяжелый день.

— Из банковского хранилища пропал весь золотой фонд.

— Как пропал? — Вскочила Лидия. — Вот тут я точно совсем ни при чем!

— Тем не менее даже ваша непричастность не смогла этому помешать.

— А они искали за стиралкой? У меня туда как что-то завалится, так фиг найдешь...

— Искали. Говорят, даже за шкафами. Готовь экстренное собрание Комитета.

Глаза Лидии поползли на лоб.

— Опять? Оно же только закончилось.

— На этот раз удаленно. По зашифрованному каналу. Ситуация кризисная. Нельзя терять время.

Он положил руку на плечо Лидии, как верному оруженосцу перед неожиданной, но стремительно приближающейся войной.

— Комитет на военное положение! — В отчаянии он даже взмолился великой вселенской сущности из трех букв: — И да поможет нам СМИ!

3. О мышах и людях

Известный художник двадцатого века Энди Уорхол сказал: в будущем каждый сможет получить мировую славу на пятнадцать минут. Будущее стремительно наступило и доказало, что он халатно отнесся к пророчеству и сильно недооценил. В будущем (а теперь уже в настоящем) каждый желающий может наслаждаться славой всю жизнь. Как известно, в мире пять миллиардов человек и в двадцать раз больше ботов, причем эта пропорция продолжает расти. Если не считать пассивных потребителей, остается миллиард тех, кто жаждет что-то творить.

На каждого из них приходится сотня ботов, обязанных что-то слушать, читать, смотреть, ведь им самим творить запрещает закон милосердия. Причем бот может любить больше одной песни, читать больше одной книги или знать больше одного фильма. В среднем число потребителей контента каждого творчески настроенного человека планеты превышает тысячу лиц. Добавьте сюда еще личности умерших, нынче кружащих в чистилище «Сдохнулплати», которые из-за абсолютного контроля корпоратов над их мышлением не могут создавать то, что хочется. Они вынуждены подписываться на живых людей и с ностальгией, а может, тоской, следить за их вседозволенностью.

Благодаря нейросетям ни у кого не возникает вопроса, *как*

творить. Достаточно сесть за стол, подключиться к облаку и начать.

«Какое прекрасное время, не правда ли?» — спросите вы. «Неправда», — ответят люди. Со свойственной каждому тягой к справедливости (и чужим деньгам) большую часть времени люди теперь тратят на судебные тяжбы друг с другом, потому как сложно генерировать каждый день по миллиарду книг, двум миллиардам фильмов и десяти миллиардам песен и не пересечься при этом в паре фраз, сцен и нот. Для многих этот райский мир превратился в кошмар, лишил сна и желания что-либо создавать из-за риска оказаться засуженным до последних штанов. А гильдия юристов при этом росла, достигнув таких высот влияния, что пролезла даже в Комитет, управляющий СМИ.

Кажется, что, даже попав в настоящий рай, люди бы и его засудили, мол, а что это за короткие облака, с которых так просто упасть? Где поручни безопасности? Почему к гуриям такие большие очереди? Почему молочные реки текут только в рабочее время, а божественный нектар действует через раз? Ваши святыя писания об этом не упоминали! И тут уж расцвела бы гильдия заупокойных юристов, и Небеса наполнились зданиями судов. Откровение Ивана Айвана, стих первый.

Тем временем в расстроенные ряды миллиарда мучеников от плагиата вступил начинающий видеоблогер Шон Митчик, который только вчера бросил работу в самом про-

сторном магазине «Райского Плода», разуверившись в пространстве как таковом. Бывшего продавца можно понять — Поль Гоген уплыл на Таити и при гораздо менее сложных вопросах.

Шон с детства мечтал о великом. С отрочества о крупном. С юности о достойном. Со зрелости о хоть каком. В школе он, как и многие забытые дети, любил читать о волшебниках, совершающих чудеса. Благодаря нехитрому бухгалтерскому анализу на двери чулана, куда его заточали явно незнакомые с творчеством Дюма подростки, он выяснил, что самыми успешными среди чародеев были не маги с волшебными палочками, бравшие всю грязную неоплачиваемую работу на себя, а маги с волшебными *селфи*-палочками, получавшие миллионы просмотров за освещение подвигов своих наивных коллег без должного экономического образования. Это и предопределило его судьбу⁸.

Шон чудом успел покинуть Нью-Йорк до бунта канадских ботов и теперь стоял на пляже с парящей возле себя дрона-камерой, готовясь провести стрим. Он и раньше баловался подкастами на самые деликатные темы, но подлые монополисты быстро блокировали трансляции, чтобы не распугивать своих потребителей, которые должны мирно пастись на одобренных корпорациями новостях и ни о чем больше не

⁸ А также судьбу двери чулана, которая потом даже снялась в ремейке «Игра разума». И претендовала на «Нью-Титаник», пока ее сияющую карьеру не зарубили на пересъемках творений Кубрика. [!\[\]\(1659351db159d68fec256ce0b4e74c73_img.jpg\)](#)

думать.

— Добрый день, дорогие друзья! — поприветствовал он свою публику. Стрим смотрело несколько сотен подписчиков. — Я уже пытался сообщить вам о пространстве, но цензоры блокировали трансляцию, поэтому поговорим о другом. О симуляциях. Конкретно о симуляции нашего мира.

Он и раньше пытался донести до людей этот удивительный факт, но после вводных тридцати секунд его стрим всегда закрывался. «Райский Плод» бдел. Бен Борман лично любил блокировать такую вредительскую активность в сети. А иначе как? Потребители вдруг узнают, что живут в симуляции, и перестанут тратить на виртуальные миры внутри его шлемов для вирта. Нет, бизнес пострадает еще сильнее, чем после того случая с Санта-Клаусом, когда из-за обстрела подкалиберными оленями пентхауса «МорганМани» у людей пошатнулась вера в прекрасное и рождественские продажи упали на семь процентов.

Шон Митчик обреченно сообщил зрителям тему своей трансляции и подготовился к худшему. Со сдержанной радостью он заметил, что число зрителей уже превысило тысячу. Но стрим все еще не блокировали.

— Так вот, — продолжал Шон. — Как я уже сказал, в даркнете кочует теория, что мы живем в симуляции...

Шон запнулся. Еще никогда он не говорил так долго. Счетчик зрителей перевалил за две тысячи. Оглядев золотистый песчаный пляж без туристов, Митчик сглотнул и про-

должил.

— Не в рукотворной, созданной якобы сверхразвитой расой, а в спонтанной, естественной симуляции, появившейся случайно многие миллиарды лет назад. По такому же принципу возникли химические вещества, ДНК, эволюция, что бы это ни значило. Я ничего не придумываю, так пишут в даркнете...

Шон обливался потом. Его смотрело уже пять тысяч ботов, тысяча людей и неизвестное количество загробных душ. И никакой блокировки. Видимо, он чего-то не учел. Возможно, «Райский Плод» сменил тактику и вместо обычного отключения стрима выслал за Шоном отряд спецназа или дивизию ниндзя, или... у Митчика глаза полезли на лоб. Ну конечно! Цунами! Он ведь стоял на относительно пустом пляже. Корпорация почти не рисковала задеть невинных.

Самое время добавить, что этот бывший продавец не страдал от недостатка воображения. Цунами за ним никто не посылал. Дивизией ниндзя пока тоже не пахло. Но на всякий случай Митчик сам завершил стрим и дрожащими руками схватил парящий видеодрон, попытался засунуть его в карман шорт, пару раз уронил, отряхнул от песка и наконец спрятал в сокровенных глубинах одежды, случайно снова включив. Он не понимал, что случилось, почему его не блокируют. В памяти всплыла реклама Карибских островов как райского места, где ваша жизнь круто изменится. Может, она действительно изменилась и он теперь сам повелевает

своей судьбой? Нет, не верилось. Последний раз, когда кто-то обещал круто изменить его жизнь, Митчик выпал из реальности на трое суток и очнулся побритым, в каком-то монашеском балахоне, с пентаграммой на лбу и многочисленными счетами от Мышиной Церкви Вознесения Египетских Пирамид.

Теперь же дело было не в мышах и даже не в паразитах. Хотя... отчасти в паразитах. Просто этим утром директор «Райского Плода» вместе с остальными властителями умов был занят экстренным совещанием. Попутно он озадачил всех своих свободных сотрудников, поэтому никто не замечал бедного Шона. А ему так хотелось, так хотелось внимания...

* * *

Главы крупнейших организаций собрались по квантовой связи. Второй раз за сутки они со слабо сдерживаемым отворачиванием косились друг на друга, но на сей раз их разделяло куда большее расстояние, чем необходимо, чтобы задействовать кулаки. Теперь эти люди мерцали физиономиями на парящих проекциях и экранах, сидя каждый в своем личном офисе, и могли обмениваться лишь колкими взглядами и не менее острыми фразами.

— Господа! — пытался их успокоить Киавелли. Он располагался в своем кабинете и смотрел в ожившие над столом

лица. — Я понимаю, что вы все оказались в... не очень приятной позиции...

— Да мы просто в *опе! — не пытался деликатничать Джуд. — Весь золотой фонд мира пропал! Сто тысяч тонн! Где я теперь «золотой парашют» возьму?! И знаете что? Я один на дно не пойду! Я потяну всех!

— Да ты-то как раз и не тонешь! — паниковал мистер Кори, председатель страховой компании «Платиилисдохни», рядом с которым предусмотрительно сидел личный помощник с наштабырем.

— Такие, как он, не тонут, ага! — подхватил кто-то из собравшихся, тактично прикрыв рот рукой.

— Да я не о том! Есть менее очевидные вещи. Золотишко-то не его! Но он понабрал кредиты под его залог! И надо же нам было оказаться такими дураками, застраховать его! Гребаный ты...

Киавелли как заправский защитник масс вовремя заглушил микрофон директору «Платиилисдохни», и широкая публика не узнала интимных тайн Голдмана. По виду помощника Кори, упавшего в обморок от услышанных слов, стало понятно, что Секретарь превзошел самого себя и предотвратил нечто большее, чем просто корпоративный спор.

— А может, на них и повесим? — с осторожным оптимизмом спросил оборонщик Смит. — Страховая пусть все выплачивает и дело с концом.

— Что она выплатит, блин? — негодовал Мерлин Минск.
— Даже мы в Голливуде это понимаем! Деньги сами по себе ничто. Они ведь обеспечены доверием к финансовой системе, а ее фундамент — золотой фонд! Убери его — и карточный домик нашей экономики просто развалится. Ведь деньги — просто бумажки!

— Ну знаете ли! Просто бумажки! — фыркнул Смит. — Я вообще-то ими прикуриваю! Попрошу без оскорблений достоинства элитных сигар.

После того как его справедливое замечание было принято, спор продолжился.

— Мы вообще ничего не выплатим! — Теперь уже мистер Кори предусмотрительно держал перед помощником нашта-тырь. — Откуда у страховых компаний деньги на компенсацию стоимости ста тысяч тонн золота, сами подумайте! Они могут оплачивать только какие-то разовые несчастья, пока кругом тишь да гладь. Стоит случиться чему-то глобальному, и у страховых нет денег! Не я это придумал, это закон бизнеса!

Остальные собравшиеся сочувственно закивали. Тени сарказма завладели их лицами.

— Действительно, — сказал один из них.

— Он прав, откуда у страховой столько денег, — с ехидством вступил другой. — Она всего лишь собирает у всех страховые взносы... уже сотни лет.

Слово за слово, и они бы уже начали организовывать

пункт сбора гуманитарной помощи страховщикам, но вмешался Секретарь Киавелли.

— Господа. Вернемся к главной проблеме.

На всех экранах повисла тишина. Большинство этих директоров, будучи по своей природе, прямо скажем, тупицами, еще не до конца сознавали весь масштаб случившейся катастрофы.

— Хочу дополнить, — вставил слово самый образованный из них, Пратт, — все кредитные рынки, финансы, государственные облигации и фонды зависят от этого золота. Хотя нет, я не совсем точно выразился. Они не зависят, а...

— Вот видите! — не выдержал Джуд. — Все не так плохо!

— Они не просто зависят, а полностью связаны с ним, — завершил мысль Пратт. — Это катастрофа похлеще Великой депрессии.

— Мой банк как раз тогда и набрал жира... — до последнего сопротивлялся Голдман.

— Но десять других рухнули, — напомнил, а точнее ознакомил его с историей Пратт. — Хотите попытать счастья? Нас тут как раз одиннадцать. Возможно, какая-то одна фирма и выживет. Ну, кто готов рискнуть? Русская рулетка на максималках.

Еще десять минут ушло, чтобы объяснить остальным суть русской рулетки. Даже Пересвет Абрамов и Артемий Клюквин с большим трудом припомнили ее смысл.

В сложившейся обстановке господин Пратт из «Сдохнул-

плати» обладал вторым самым острым умом, поэтому поставил бы на себя не один к десяти, а один к двум, но пятьдесят процентов — слишком высокий риск для толкового бизнесмена. У него еще появится возможность раздавить этих глупых директоров... наверное. В любом случае он понимал, что лучшее — враг хорошего, а собственная загробная империя, до которой никому нет дела, надежнее, чем власть над миром, где каждый хочет тебя раздавить. Пратт сочувственно посмотрел на Секретаря Киавелли — на его лице не осталось здорового места из-за мешков-переростков под глазами, а оттенок уставшей кожи... вызывал больше вопросов, чем мог дать ответов.

— Итак, — подытожил Минск. — Если пропажа золота обнаружится...

Но его тут же перебил Смит:

— *Когда* пропажа золота обнаружится.

— Когда пропажа золота обнаружится, фондовый рынок обвалится до минимальных за век значений, добли взлетят в цене, но купить на них никто ничего не сможет. Биржу товаров начнет лихорадить, люди будут искать «безопасные» инструменты, чтобы перевести свои деньги, но всех, как обычно, надурят. Фонды обвалятся еще ниже. Крипта взлетит, но потом упадет, потому что кому она, нахрен, нужна? Даже я, киношник, это понимаю.

— Скажешь тоже — киношник, — фыркнул Гийом Жиле.

— У тебя триллион капитала и пять инвестиционных ком-

паний.

— Как и у каждого из нас, — пожал плечами Мерлин Минск.

— Все будет даже хуже, чем после того Суперкубка, когда из-за рукожопых... в смысле непонятых организаторов проиграли обе команды. Полмира прогорело на ставках, — напомнил глава «Хеми спорта» — традиционного организатора Суперкубка. — Экономике спас только выпуск новых облигаций.

— Все долговые обязательства основаны на облигациях. А вера в них крепка из-за ста тысяч тонн золота под ногами... Имею в виду хранилище под нами. Все рухнет по принципу домино, — сообщил Голдман, которому наконец принесли шпаргалку.

— Лучше не смотреть вниз, — нервно пошутил Минск.

— Я и так не смотрю, боюсь высоты, — вставил юрист, но его все проигнорировали.

— Все затребуют выплат по долговым обязательствам, но никто не сможет их заплатить, — сгустил краски Абрамов, еще один любитель шпаргалок. — Пропадут долги, а с ними и вклады, компании не смогут платить по счетам. Наш «Углерод плюс» уволит пять миллионов людей и пять миллиардов ботов.

— С остальными не лучше, — поддержал его Пратт. — Капиталы перестанут что-либо стоять, и подписчики загробной жизни не смогут платить за эту самую жизнь. Придется

всех отключить.

— О, я как-то неделю пробыл в отключке... — вспомнил залихватскую юность Смит. — И ничего, видите? Даже умнее стал...

Пока все решали, как бы подойти к этому самому спорному в мире доводу, Пратт уточнил:

— Я имел в виду — умертвить.

— А я думал, они и так мертвые? — удивился Жиле.

— Там целая путаница в законах, лучше об этом не думать.

— Вот оно как! А тут поподробнее! — вмешался юрист, но его снова проигнорировали.

Киавелли посчитал, что сейчас самое время добавить ложку меда в их пахучую бочку дегтя.

— Но рынки рано или поздно устаканятся.

— Как после войны, — с тревогой заметил оружейник Смит. — В смысле — настоящей, неконтролируемой войны, — пояснил он, увидев недоуменные взгляды. — Не тех, что мы ведем последнюю сотню лет.

— Вспомните двадцатый век, — поддержал его мысль Секретарь.

— Как? — сразу раздался голос.

— Дайте хоть подсказку, — незаметно сказал другой.

— Это когда была Столетняя война с Жанной д'Арк?

— Не *с*, а *против*, дубина! — прилетело важное уточнение.

Киавелли вздохнул.

— После каждой кровавой войны двадцатого века жизнь налаживалась, — пояснил он. — Но вся основа миропорядка менялась так сильно, как после десятибалльного землетрясения. Это был уже другой мир.

— А миропорядок менять нельзя! — ухватился за знакомое слово Бен.

— Не-не, ни в коем случае. У меня на него такие планы... — поддержал Минск.

— И не говори! Еще столько страховок надо продать! Вы, господин Абрамов, кстати, проговорились. Сказали про пять миллиардов ботов, а у нас застраховано только два!

Абрамов начал дергать за провод своего экрана.

— А? Что? Тут помехи! — попытался отъехать он.

— Короче! — Киавелли стукнул кулаком по столу. — Будем хранить пропажу в секрете. Это ежу понятно. Но как искать золото? Надо назначить независимого эксперта на поиски, дать ему полномочия. Чтобы никто не вставлял палки ему в колеса и не перетягивал одеяло на себя, ведь так?

Секретарь прищуренно обвел взглядом парящие над его столом лица.

— Предлагаю главу нью-йоркской полиции, — заявил Голдман.

Остальные сразу закатили глаза и раздраженно фыркнули.

— Еще чего!

— Ну да, ну да!

— Он же твой свояк! Обстряпает все по-семейному, а нам сухари суши!

Киавелли сложил ладони перед лицом.

— Ладно, этот вариант отпадает.

— Тогда давайте председателя НАТО, — с невинным видом предложил Сеймур Смит.

— Это который оправдал все твои войны в Африке?

— Пробирками там всякими тряс на камеру.

— А в них был песок, а не химическое оружие.

Снова три возражения из гула общего возмущения.

— Тогда председателя Скотленд-Ярда, — осторожно произнес Минск.

Но даже в этом варианте обнаружились подводные камни.

— Он же без ума от твоих фильмов!

— Вас вместе на яхте видели!

— Он уже одной ногой в твоём совете директоров! В прямом смысле одной! После того случая с акулой...

Киавелли попытался силой мысли придушить собеседников, но не вышло. Не хватило практики.

— Ещё варианты? — натянуто спросил он.

* * *

Мариус Финк плыл под гнетом триллионов наносекунд, подаренных по подписке «Сдохнулплати». Время в цифровом загробном мире, где ему предстояло маяться неделю,

текло очень медленно. Хотя алгоритмы и затормаживали его привыкшее оперировать биологическими молекулами мышление, Финку легче не становилось. Все равно мучительно страшно «жить» в пустоте. Даже не в узком пространстве, вызывающем клаустрофобию, а вообще ни в чем. На кончиках квантов, в среде возбужденных ионов. Вот она — настоящая Вселенная без пространства и времени. И люди... точнее, те сущности, в которые кочевали их личности после смерти, прекрасно осваивались в новом для себя мире. Хотя нов ли он? Ходили слухи, что пространства и времени вот точно так же не существовало и в старом, что оба эти мира почти ничем друг от друга не отличались. Но до Финка эти слухи, конечно же, не дошли — они блокировались корпоративной цензурой, владевшей самим его разумом.

Это было ужасно. И гораздо страшнее клаустрофобии, если так посудить.

Но многим такое существование нравилось. Всяко лучше, чем вовсе не существовать. Мариус смотрел на таких постлюдей с завистью, хотя ума не мог приложить, чем же «смотрит» на них. Так или иначе, он их осознавал. И признавал окружающий мир, в который выходил через сеть. После нескольких часов паники он попытался взять себя в руки и отвлечься чем-то реальным. Усилием воли он пролистал ленту рекомендаций, пестрящую одними и теми же радостными людьми. Финка в его нынешнем состоянии тошнило от радости, хотя даже желудок ему не завезли. Из миллионов

трансляций он выбрал самую необычную, мрачную и загадочную, с сотней тысяч зрителей. Явно что-то стоящее.

На экране искривлялась черная материя с разрезом вроде галактической туманности. Зрители задавались вопросом: что же им демонстрируют? Одни сходились во мнении, что это действительно галактика — какая-то новая и безумно модная, другие предполагали, что таким образом «Райский Плод» собирается показать новый гаджет. Третьи и вовсе думали, что ведущего стрима убили и камера теперь болтается в сумке грабителей.

Как ни странно, третьи оказались ближе всех к истине. Нет, ведущего не убили (к будущему сожалению многих), просто он положил дронокамеру в шорты, не заметив, что она вновь включилась. Волнующим разрезом оказалась дырка в кармане, а галактической туманностью более прозаичный объект в самом удачном с точки зрения маркетинга месте, но крайне сложном для цензурного описания. И то, что лежало за складкой ткани, не могло не повергать в ужас. Алгоритмы сразу же присвоили этой трансляции возрастной рейтинг 35+.

Шон Митчик бродил по райскому (с некоторыми оговорками) пляжу, наслаждаясь каждой минутой своей безработной жизни, старался не наступать на прибываемый морем мусор и не сталкиваться с ботами-очистителями песка. С каждым шагом оговорок становилось все больше. В море, разумеется, никто не купался. По крайней мере никто из тех,

кто гнушался касаться мусорных островков, покрытых разлагающимися медузами и грибами. Райские пляжи с изящными пальмами, желтым (если его еще не успели очистить) песком, голубым небом и белоснежными облаками западали в душу при просмотре старинных фильмов, но глубоко ранили сердце в реальности. Митчик чувствовал себя как в отстойнике. Остальные редкие туристы ощущали себя еще хуже. Но турфирмы наращивали обороты и из года в год продавали карибский рай. Кто-то брезгливо сидел у отеля, обмазавшись кремом от мусора, иные топили грусть в роме по триста доблей бутылка⁹, после чего бесконтрольно изливали на пляж свои возмущения и все прочее. Благодаря таким излияниям пляж оставался желтым, а фотографии с него романтичнее (по крайней мере те, что не передают запахи).

Чаще всего туристы скандалили с гидами и консьержами, тыча их лицом в маркетинговые брошюры с чистым морем и пляжем без дохнувших на них птиц. Консьержи и гиды в ответ указывали на звездочки внизу рекламных буклетов и надписи вроде «реальный вид может отличаться от представленного». Вот он — тот настоящий рай, в который люди попали после веков отчаянного труда и который теперь пытались засудить в пух и прах.

Некоторым видам свободное время совсем не к лицу...

Тем не менее у дорогих отелей пляжи действительно очи-

⁹ «Из настоящего алкоголя и настоящего сахара», — гласил текст на этикетке перед мелким шрифтом. ←

щали, море огораживали полукруглыми антиплебейскими рифами, создавая большой бассейн. Там отдыхали и ловили от жизни кайф богачи, закрываясь от нищего мира. Людям дали деньги на полеты по всей Земле, на любые курорты, но что толку? Мир богатых во все времена оставался недостижим, как горизонт.

Митчик с завистью посмотрел на такой золотой во всех смыслах пляж через прутья электрического ограждения с ключей проволокой, небольшим минным полем в придачу и повернул назад. Солнце уже припекало. От жары в кармане с камероботом вспотели его самые сокровенные части. Впрочем, по мере трансляции эти части становились не такими уж сокровенными. По узнаваемости среди широкой публики они начинали соперничать с двумя сферами Нью-Вегаса и со Статуей Свободы одновременно. Хотя на сильной жаре статуя, конечно, не так уверенно держала свой факел.

— Вот **-**! — выругался Шон, достав камбота из шорт. — Не выключил трансляцию... О-о. Сто пятьдесят тысяч зрителей. Кхм.

Он увидел смеющиеся смайлики в чате и пробежался глазами по сообщениям, единодушно выражавшим мысль вроде «закрой форточку».

— А это был небольшой перформанс, — нашелся он, подыгрывая себе мимикой. — Смотрю, многим оказался по душе... такой челлендж, ага...

При виде менее интересного места Шона, а именно его

лица, зрители начали уходить.

«Вирни камиру где была и потверкай!!1» — написал кто-то.

— Нет, стойте! Тут интересно! Мы говорили о симуляции нашей Вселенной.

Зрители повалили прочь еще большим потоком. Им подавай вирусные видео и котиков на измене.

— Это же интересно! Послушайте! — не унимался Митчик, стараясь заинтересовать как можно больше случайных зрителей. — Наша Вселенная — это естественная симуляция... Как бы скорее объяснить...

В чате место сердечек заняли скучные рожи и кака-смайлики. Только Финк смотрел с интересом — он ненавидел тверк и котов. Помимо него на трансляции осталось небольшое количество летящих на самолетах людей, которым из-за занятых едой рук было неудобно переключать канал. Но кто-то шел даже на такой риск, избавляясь от скучного стрима ценой опрокинутых супчиков и скандалов с соседями.

— Я думал, меня заблокируют гораздо быстрее... — паниковал Митчик. — В общем, естественная симуляция — это то, что происходит само собой, как симуляция химических элементов посредством сочетания кварков, или как симуляция жизни через существование ДНК. Клетки ведь не знают, что жизнь существует. Они лишь алгоритмы, просто делают свое дело...

Шон понял, что быстро разъяснить такой хитрый фено-

мен сложно. Не подслащали его пилюлю и панически разбегающиеся зрители. Уже через минуту созерцания его лица на фоне грязного пляжа их осталась ровно тысяча, как и вначале. Впрочем, нет... тысяча и один! Шон расширил охват! Этого было достаточно, чтобы на радостной ноте закончить столь сложный стрим.

* * *

Собрание Комитета зашло в тупик.

— Может, охранника нашего университета? — предложил уставший от долгой беседы мистер Джоуль — председатель профсоюза роботов. — Мы все ведь учились в одном универе, ведь так? Вы поняли, о ком речь?

— В одном, — подтвердили собравшиеся. Уже битый час они не могли выбрать удовлетворяющую всех персону для расследования пропажи золота.

— И в школе одной. Самой элитной, готовящей наследников корпораций, — подтвердил Смит. — Это хорошо, что элита учится вместе. С молодых ногтей узнаешь друг друга и, вступая в бразды... хм, не так. И беря бразды правления корпорациями, уже знаешь прочих директоров...

— Когда такое же сделали Габсбурги, ничем хорошим это не кончилось, — заметил Пратт, но никто, кроме Киавелли, его не понял. — Инбридинг, кровосмешение... в смысле умосмешение.

— Что-то мы отклонились от темы, — быстро сказал вояка, чем спас почти всех собравшихся от удара лицом в грязь с разбега.

С закравшимся чувством триумфа Сеймур Смит решил освежиться очередной сигарой, и его лицо на экране быстро утонуло в дыму. Пока жертва интеллектуального инбридинга разгоняла туман, заседание продолжалось.

— Охранник нашего Плющевого Технического Университета? — загорланил юрист, когда ему поднесли шпатель. — Да вы, мистер Джоуль, в его дежурство каждую ночь по девушкам бегали! Он только вас пропускал... А нам тоже хотелось!

Абрамов решил уточнить:

— Многоуважаемый юрист имеет в виду... помимо своей зависти в амурных делах, разумеется, что тот охранник в очень дружеских отношениях с Джоулем и расследование будет не очень-то объективным. А мы говорим о ста тысячах тонн золота, на которых держится экономика!

— Вычеркиваем, — вздохнул Киавелли, посылая сообщение Лидии, безустанно помогавшей ему из приемной.

Каждому из участников встречи уже принесли толстые распечатки потенциальных кандидатов, на плечи которых можно было взвалить ношу поиска стольких тонн золота втайне от всего мира. Но текли часы и перелистывались страницы, а каждый из них не устраивал как минимум одного делегата. Но чаще кандидаты не устраивали *никого*, кроме

самого инициатора.

— Тренер моих детей по карате? — не сдавался Клюквин.

— Нет! — дружно сказали все.

— Тогда, может быть, массажист... — робко вставил Гий-ом Жиле.

— Думаешь, мы не знаем о твоих проблемах со спиной? Щаз!

— А может, тот автор детективов Прушин? У него здорово варит башка, — осторожно предложил Пратт.

— Который уже год как помер и лежит у тебя в капсуле? — проявил недюжинные способности быстро читать со шпаргалки Борман.

Обстановка накалялась уже в пятый раз за последний час. Киавелли устало листал распечатки, пока не добрался до последней страницы. Ну вот и всё. Главы компаний ни о чем не договорятся, и о пропаже золота вскоре узнает весь мир. Хотя стоп... Секретарь заметил еще одну строчку в самом конце, приписанную в спешке Лидией.

— А как вам Хранитель ООН? Генри Бобров.

Все по привычке начали фукать и приготовились навалить целые кучи отменно пахнувших восклицаний и фактов, почему этот кадр им не подходит, но секундная заминка тянулась гораздо дольше, чем ожидалось. Никто не смог так быстро найти доводы против.

— Хранитель ООН? — распробовал на языке Пратт. — Звучит неплохо.

— И масштаб личности, судя по всему, соответствует нашей проблеме, — согласился Жиле.

Все стали усердно рыться в шпаргалках.

— Написано, он вернул в ООН Африку! — воскликнул Смит. — Вот это да!

— О пропаже и возвращении египетских пирамид я слышал, но чтоб *прямо весь* континент! — восхитился юрист.

— Сильная личность, — согласился Клюквин.

— Значит, никто не против? — не верил своему счастью Киавелли — он не застрянет тут до скончания веков!

Все переглянулись. Точнее, попытались переглянуться, но так как экраны у всех висели по-разному, получилось хаотичное метание взглядов.

— Вроде да, — радостно сказал Минск. Ему тоже не терпелось продолжить снимать свое дорогое кино. — Генри Бобров.

— И место удачное. Судя по всему, этот спаситель Африки работает в штаб-квартире ООН, что через дорогу от... — Пратт замешкался, — от вас, Секретарь Киавелли!

— Нет-нет! Я никак с ним не связан! Проверяйте как хотите, я только сейчас узнал о его существовании. Стал бы я вписывать своего протеже в *самый конец* списка?

— Ладно. Иных вариантов нет. Доверяем ему вести дело? Обещаем всяческое сотрудничество и все такое? — уточнил мистер Джоуль.

— Да. Хранитель ООН Генри... в сокращении Хэнк Боб-

ров, — сурово кивнул военный. — Из этого выйдет толк.
На том и решили.

* * *

Здание ООН знавало и лучшие времена. Например, те, когда к произнесенным с его трибуны словам хоть кто-то прислушивался. Или когда его резолюции чего-то стоили. Времена изменились, но тайное правительство в лице Международного Комитета по СМИ не хотело, чтобы все об этом узнали, поэтому ООН продолжала функционировать как в «лучшие времена»¹⁰ и на ее содержание даже выделялись деньги, которых, правда, едва хватало на ловлю крыс в подвалах и плату за электричество.

В перерывах между пленарными сессиями главный зал пустовал и там можно было заняться расстановкой ловушек с сыром и всяким мелким ремонтом.

Хэнк Бобров с деревянным контуром Африки под мышкой прошествовал в зал. То был пятидесятилетний мужчина в самом расцвете сил, с крепкими руками и неизменной, даже после бритья, щетиной, с суровым взглядом, источающим всю ту надежду на справедливость, какую простой мужик может требовать от окружающего его сложного мира.

¹⁰ Как в те тяжелые времена, после которых становилось еще тяжелее, и они оказывались не очень-то и плохи, а старики вспоминали их с ностальгией вперемешку с амнезией и посттравматическим расстройством. ←

Его сопровождал заместитель Семён — чуть помладше, худее, с более румяным и немного наивным лицом, но зато всегда гладким, независимо от бритья. На обоих красовались рабочие комбинезоны.

— Ты взял молоток, Сём Сёмыч?

— Конечно, Хранитель. И гвозди.

— Тьфу ты. Хватит этих словечек.

— Сам же знаешь — ребрендинг. Сделали организацию современной.

— Но старое доброе «завхоз» мне нравилось больше.

— Только о себе думаешь, Хэнк. А мне какво было? Заместитель завхоза — совсем не звучит. Другое дело — младший Хранитель ООН.

Генри вздохнул и подошел к высокой стене за трибуной, куда были прибиты почти все континенты, кроме так называемого «Черного» — Африки. На ее месте в форме опущенной головы лошади зияло светлое пятно. Под ним уже стояла стремянка.

— Подержи лестницу, прибью континент обратно.

Семён подсобил и принялся смотреть вверх, где над его головой Бобров восстанавливал географическую справедливость.

— Все-таки хорошо, что ты ее нашел, шеф, — протянул он. — Иначе пришлось бы самим выпиливать... лобзиком.

— Да что там искать? Пьяные маляры свистнули и сдали в ближайший ломбард. Там я и нашел эту Африку. Дело пары

часов.

— Об этом даже написали в новостях... — вдохновенно изрек помощник.

— Опустив некоторые подробности... — Хэнк грозно вставлял слова между ударами молотка. — Например, слова «деревянную» я там уже не увидел.

— Журналист подумал, что опечатался, когда брал у нас интервью, и исправил твою «деревянную Африку» на «Черную Африку», но отдел цензуры испугался возможных обвинений в расизме и попытался исправить ее на «АфроАфрику», но получилось не очень, поэтому они просто убрали лишнее и оставили только «Африка».

— Тебя послушать, так все молодцы...

— Но ведь звучит. Вернул Африку в ООН!

— Ага, а что люди подумают? Это ж бред! Как можно вернуть континент? Собака!

— Да ладно, он просто начинающий журналист.

— Собака, я говорю, прям по пальцу!

Пока Бобров пытался унять боль, в зал вошли люди в какой-то уж слишком дорогой полицейской форме, какую встретишь только в кино про спасение мира. Столько звездочек Семён не видел с тех пор, когда сам по ошибке заехал по себе молотком.

— Если вы насчет той кутерьмы в подвале, то у нас все под контролем, — поспешил их заверить слезший со стремянки Бобров.

— Вы что же, уже знаете? — удивились гости и переглянулись с восторженными лицами, мол, Комитет плохого не выберет!

— Конечно, знаю. Мохнатые такие, толстые хвосты и морды с усиками.

Гости снова переглянулись, но уже не столь уверенно.

— Многих уже перебили, — гордо вставил Семён. — Скоро крыс станет меньше, не беспокойтесь.

Полицейские со звездочками кивнули, сделав вид, что удовлетворились ответом, и гордо выпрямились. В руках они держали важные документы.

— Мы с поручением к Хранителю ООН. Дело планетарной важности.

— Ну, после Африки мне не привыкать, — решил пошутить Бобров, но гости оценили эти слова всерьез — почти-тельно выпятили подбородки и уважительно вытянулись по стойке.

Из последних сил пытаюсь спасти свою шутку, Хэнк повел рукой в сторону висящей над ним деревяшки, со все тем же незначительным результатом.

— Так что там говорите? Кто-то свистнул деревянный глобус? — теперь уже и Семён подключился к веселью. Однако же заунывных гостей было ничем не пробить.

— Вы допущены к тайне, поэтому скажем сразу: сто тысяч тонн золота в слитках пропали из сверхсекретного хранилища банка. Вам доверили вести расследование и разрешили

выставить пару условий.

Не поведя ни одной мышцей, ни даже своей знаменитой среди всех завхозов бровью, Хэнк начал сверлить их глазами.

— У меня два условия и один вопрос, — начал он, и гости принялись самоотверженно за ним записывать. — Первое — в ООН пора заменить стремянки. На самые лучшие. Второе — со мной будет работать Семён, кратко Сэм. И вопрос, — сказал он, похлопав свой рабочий комбинезон, — уверены, что вам нужен именно я?

* * *

Пока Киавелли ломал голову над кодовой шифровкой «Заменить стремянки в ООН», а опрошенные им по этому случаю лидеры государств от греха подальше попрятались в бункеры, аэропорт Нью-Йорка накрыли совсем иные проблемы. Из-за химического конфликта с Канадой он оказался переполнен ботами и людьми. Все направлявшиеся на север рейсы развернули обратно, и их пришлось неожиданно принимать, отодвигая другие. С еще не вылетевшими пассажирами оказалось не лучше — авиакомпания безуспешно искали место для размещения негодующих лиц. Короче говоря, аэропорт походил на офис букмекера после того злосчастного финала Суперкубка без победителя.

Иван Айван, Глум Фримен и Евгений Хренов, приправленные для остроты маленьким ботом Альфи, сумбурно вли-

вались в общий поток.

— Не видите, где посадка на рейс до Москвы? — спросил Евгений. — У меня близорукость.

— У нас у всех сейчас близорукость. Дальше ближайшей спины ничё не видно! — заметил Иван.

Люди и боты, иначе говоря «лица», толпились, метались из стороны в сторону или просто скандалили у многочисленных стоек, не в силах унять душевную боль от сорвавшейся поездки в Канаду или в любую другую точку планеты из-за пробки канадских рейсов.

— А что написано в билетах? — спросил Глум, расталкивая толпу. — Мы же купили их в такси, по дороге.

— Не знаю. Экран расплывается, — ответил Евгений, державший в руке смартфон.

— Ты же говорил близорукость! — укорил его детектив.

— Она у меня переменная. Когда смотрю вдаль — близорукость, а вблизи — дальнорукость.

— Довольно неудобно, — сжалился над ним Айван.

— Бывает и хуже. — Хренов прищурился. — Например, когда люди презирают тебя за то, что ты бот, а боты ненавидят за то, что ты человек.

— Довольно странное сравне... — начал Иван, но вдруг увидел Глума в толпе дерущихся ботов.

Американские и канадские гастарботы что-то между собой не поделили и сошлись стенка на стенку. Проведший все детство в их гетто Глум попытался всех урезонить и напом-

нить об общих началах гуманизма и технотизма и в каком-то роде пришел к успеху. Боты действительно нашли в себе общую, сплотившую их черту, а именно нелюбовь к человеку, который, видите ли, косит под них.

— Ему же все кости переломают! — испугался за нанимателя Иван.

— Он мне еще пиццу должен! — испугался за свой желудок Евгений.

На пару они кое-как разняли дерущихся. Глум успел поломать двух ботов и уже костылял их обломками третьему, когда заботливые руки коллег вернули его к идее стать работником СМИ и продолжить нести добро, а не боль.

— Добро, помнишь? Ты сам говорил.

— Это была самозащита! Десятеро на одного! — парировал Глум.

— Мне кажется, для гастарботов, добывающих руду собственными руками, не составило бы труда переломать тебе все кости, не будь им запрещено калечить людей.

— Я же сказал, я — почти что один из них! Поэтому они и бросились.

— Но инстинкты взяли свое. Точнее, программный код, — заявил Иван.

— Старайтесь избегать лишних конфликтов, — добавил Альфи.

— Альфи плохого не скажет, дружище, — похлопал его детектив. — Ты, кстати, не против полететь в ручной клади?

Маленький предсказатель молчал. «Обиделся», — подумал Иван. «Дурак, я тебя не понимаю», — подумал бы Альфи, будь у него такая возможность.

Канадские и американские боты наконец нашли шаткий баланс, заняв каждый свою половину аэропорта. Дабы отсечь возможные казусы вроде того, что приключился с Глумом, боты организовали осмотр каждого входящего на их территорию пассажира. Утопающему в хаосе возвращенных и задержанных рейсов аэропорту это явно не помогало.

— Мне кажется, выход «пять», — сообщил Иван.

— Просто прочти, что в билете! — злился хакер.

— Да там старая информация! Они все прилеты и вылеты ежеминутно меняют! Актуальные данные только на настенных табло!

— Которые я не вижу! — психовал Хренов.

Иван решил его подбодрить:

— Зато я не знаю, как взламывать компьютеры! У каждого есть свои плюсы.

— Я тоже не... — выпалил хакер, но быстро поправился.

— Я-то знаю, да, еще как!

Тройка героев с Альфи наперевес пробилась через кордон американских ботов и явилась к пятому выходу ровно через минуту после того, как рейс перенесли к сорок третьему.

— Скорее обратно!

У выхода «сорок три» причалил развернувшийся рейс в Монреаль. Оттуда выходили потерянные люди, не понимаю-

щие, что теперь делать. Аэропорт стремительно заполнялся и готовился вот-вот лопнуть.

— Куда теперь? У нас вылет через десять минут! — нервничал хакер. Работа его мечты с халявной пиццей грозила закончиться очень быстро.

— Выход сто девяносто пять.

— Чего?! Это где вообще?!

— В другом здании.

— Судя по числу, в другом штате!

Преодолев за десять минут одну милю с препятствиями и получив три с половиной штрафа за превышение скорости, у сто девяносто пятого выхода они обнаружили, что рейс в Москву откладывается на десять часов. Но чуть позже не поддающийся никакому здравому смыслу алгоритм расстановки рейсов передвинул его на одиннадцать часов в обратную сторону. Немного оценив обстановку, этот алгоритм осознал, что сложно будет наполнить пассажирами уже улетевший рейс, который, к слову, ни на шишечку не улетел, и передвинул вылет на «через пять минут».

А потом вообще отменил и решил назначить на ближайшее время несколько давно задержанных рейсов в Санкт-Петербург¹¹.

¹¹ Как всем известно, подгадать друг к другу по времени все рейсы в аэропорту, попутно стыкуя их с расписанием принимающей стороны, было невозможно во все времена, как и предсказать погоду на четыре часа вперед. Даже у современных календарных компьютеров просто нет шансов учесть все нюансы, на-

Хэнк и Сэм вошли в здание «МорганМани». Вместо рабочих комбинезонов их настойчиво убедили надеть костюмы от дорогого портного. В такие заведения без цен Хэнк и Сэм никогда не совались. И костюмы им не очень понравились.

— В фикс-прайсе точно такое же за сто доблей, — шепнул Сэм, нервно водя плечами.

— Будто мы уже покойники и нас собрались хоронить, — кивнул ему Хэнк, пытаясь уместить в карманах весь свой рабочий инвентарь, но головке молотка интереснее было смотреть наружу, чем терпеть общество ламп, пробок и мышело-вок.

Так или иначе, за все платил Комитет. Эта фраза может вызвать в воображении огромные мешки с наличными, которые носили за новоявленным следователем и его помощником, или банковские счета с поражающим количеством нулей¹², но такой образ обманчив. С учетом масштабности Комитета это означало, что деньги *в принципе* не нужны. Его мир обитал за гранью самих понятий богатства и бедности.

чая с работы заправщиков и заканчивая настроением грузчиков, поэтому составлением расписаний по-прежнему занимался специально обученный человек с парой игральные кости и блокнотом. ←

¹² Когда говорят про «числа с кучей нулей», теряют из вида тот факт, что по теории вероятности в больших числах очень редко бывают сплошные нули. ←

И вот теперь, ёжась от неудобных брюк и рубашек, да еще в смешных пиджаках, за которые соседи по рабочему району обязательно их засмеют, Хэнк и Сэм вошли в холл банка, где их уже ждали Джуд Голдман с Луиджи. Банкир приветливо улыбался всеми зубами и тянул руку.

— Очень приятно лично познакомиться с самим Храни-телем ООН, — лебезил он.

Будь ты хоть трижды триллионером, но чего не сделаешь ради спасения всего своего состояния? Богатые тем и отличаются от бедных, что уровень страха за свой капитал равен его объему. Терявшим последнюю кровную тысячу беднякам и не снилось, какой ужас, трепет и шок можно испытывать, потеряв в миллиарды раз больше. Джуд Голдман готов был целовать ноги каждому, кто хоть как-то поможет в его проблеме.

— Мне тоже приятно познакомиться лично, — отвечал Хэнк. — До этого я видел вас только на деньгах.

— Да ладно вам, — с мнимой скромностью отмахнулся банкир. — Мелкий номинал, всего в пятьдесят доблей. Куда мне до Маска и Франклина...

Такого вида скромность могла заткнуть за пояс любое заштатное хвастовство со счетом пятьдесят — ноль. Как известно, половина занятий в частной школе для наследников корпораций отводится на отработку такого рода скромности перед обычным человеком. Другая половина уходит на тренировку выносливости, чтобы не начать обрызгивать себя ан-

тисептиком после рукопожатия.

— Итак, Генри Бобров, вы будете искать наше золото, — подытожил банкир. — Заметьте, не мое, а наше, всеобщее. На нем зиждется мир.

— Понимаю. Нас ввели по пути в курс дела. — Завхоз по-прежнему ощущал неловкость. — И зовите меня просто Хэнк. А это мой помощник Семён.

— Можно Сэм, — выставил руку тот.

Голдман, как и все уважающие себя студенты, порой прогуливал занятия и имел четверку с минусом по рукопожатиям, поэтому заставить себя коснуться *еще и этого типа* не сумел. На выручку пришел Луиджи с растопыренной пятерней.

— Очень приятно, да. Ну что, приступим? — спросил ассистент банкира.

Хэнк по привычке оглядел холл. Очень яркие и очень высокие потолки.

— Света у вас тут много, эт хорошо, — сказал он.

Джуд удивленно кивнул и шепнул своему ассистенту, мол, профессионал, все подмечает. Такой и золото где хочешь найдет.

— Только вот лампочки высоко, — продолжил завхоз. — Это ж заколебешься менять. Тут никакой стремянки не хватит, а, Семён?

Сэм удрученно кивнул.

— Эм... Никогда не смотрел на это под таким углом... —

Банкир не знал, что сказать.

— И штукатурка на столбах и стенах облезла, — вошел во вкус Хэнк. — Вся в каких-то полосках. Как будто скоро обвалится.

— Это мрамор! — испуганно сказал Джуд.

— А, тогда ладно. Можно пока не менять.

Хэнк и Сэм продолжили неуверенно топтаться на месте, как кавалеры на первом свидании, не понимая, с чего же начать. На помощь им пришел ассистент Луиджи.

— Наверное, хотите опросить свидетелей и спуститься в хранилище?

— Точно, да, — буркнул Хэнк, пытаясь скрытно запихнуть в карман неподатливый молоток.

— Золото украли в промежутке от девяти вечера, когда пришел замерщик Финк, и до половины первого, когда в подвал спустился господин Голдман. Замерщик делал сканирование пространства, чтобы предложить более надежный способ хранения.

— Хотя, казалось бы, куда уж надежнее... — фыркнул банкир.

— Преступные элементы доказали, что даже тут имелся простор для усиления безопасности, — витиевато заметил Луиджи.

— Какое-то странное совпадение. Вы уверены, что не Финк все украл? — задумался Хэнк.

— Охранники его обыскали. К тому же сто тысяч тонн

золота... Даже не знаю... Понимаете, мистер Финк выглядел несколько болезненным человеком. Между нами говоря — хилым. На такого я бы в пауэрлифтинге не поставил.

— Ну а вдруг золото украли при нем? — вставил свои пять центов Семён.

— Самый очевидный вариант. Но охранники говорят, что кроме него никто не входил и не выходил, — заявил Голдман. — Самим им, разумеется, вход туда запрещен... безопасность. Хороший охранник — это...

— Мертвый охранник? — ляпнул Сэм в попытке разрядить обстановку.

— Эм... Не совсем, — деликатно заметил Луиджи. — Хороший охранник тот, кто не знаком с хранилищем. Так меньше рисков.

— Понимаю, — кивнул Хэнк. — У меня в здании ООН тоже есть подсобка с инструментами, в которой я ни хрена не помню, что где... хм. Ладно, сейчас не об этом.

— Может, подкоп? — с азартом спросил Семён.

— Ну... — Луиджи замешкался. — Учитывая глубину залегания хранилища, это был бы скорее *надкоп*.

— Никаких следов подкопов, надкопов и прочих копов, — отрезал банкир. — Работал кто-то из своих.

— У меня и у тридцати младших директоров банка есть алиби, — быстро добавил Луиджи. — Мы участвовали в торжественном ужине.

Джуд Голдман не особенно уважал мыслительные процес-

сы, от которых только портилось настроение и возникала бессонница, но подсознательно уловил, что штурвал управления ситуацией ускользает из его рук.

— Позвольте. — Он взял за плечи двух новоявленных де-тективов и прошел с ними в сторону, подальше от Луиджи, этого глупого выскочки. Неровен час, подумают, что всем тут распоряжается ассистент. — Это была моя затея. После анонимных писем я перестал доверять своим директорам, и Луиджи предложил... точнее, я его попросил проследить за ними в мое отсутствие. Он доблестно держался все три часа. Директора узнали много нового о пиратстве, да... и поголо-дать для них не было лишним.

— Анонимки? — переспросил Хэнк.

— Вот эти, — протянул стопку бумаг банкир. — Написа-но, что какой-то из моих директоров нечист на руку.

— Но у них теперь алиби? Благодаря вашему Луиджи... В смысле благодаря вам, — озадачился Хэнк.

— Возможна помощь подельников, сговор, — резонно за-метил Голдман. — И, повторяю еще раз, никаких копов. Огласка нам не нужна.

— Ладно. Давайте уже в подвал, — с некоторым раздра-жением сказал Хэнк. Он терпеть не мог больших залов, осо-бенно с такими высокими люстрами, до которых фиг дотя-нешься даже с двумя стремянками. Это ранило его трудовую гордость.

«Профессионал, — подумал банкир. — Вот бы и мои

управляющие так рвались в бой, а не только брюхо себе набить».

— Вас проводят. А я пойду и дальше скрывать пропажу. Пока хватит сил.

* * *

Группа начинающих детективов во главе с Иваном стояла у рукава посадки на самолет до Санкт-Петербурга. Они благоразумно решили, что лучше совершить маленькую пересадку в спокойном и не желающем убить их далеком аэропорту, чем с переменным успехом продолжать выживание среди беснующихся ботов в хаосе очередей и местечковых дипломатических войн.

— Обошлись малой кровью, — подытожил Иван. — Многие вообще не знают, что делать.

— Ага. Санкт-Петербург хороший вариант. Удачно я заметил этот рейс.

— Билеты раскупили за минуту. Смели всё подчистую.

— Но у меня-то рука набита, — бахвалился хакер. — Еда по горячим скидкам — вот где действительно школа жизни.

Очередь к посадке медленно продвигалась. Впереди уже замаячил бот-билетер.

— Надеюсь, до самолета доберемся уже без проблем, — пробормотал Иван. — Хватит с меня этих драк робо... ботов и бега с препятствиями по терминалам. Да, Глум? Глум?!

Иван и Евгений переглянулись и посмотрели по сторонам. Не считая спящего (или демонстративно надувшегося) Альфи, никаких ботов в непосредственной близости не наблюдалось.

— Какого хрена...

— Что? — спросил хакер. — Я тут.

— Я говорю, что за нафиг? — уточнил мысль Иван. — Где Глум? Ах да... разумеется... В очереди же нет ботов! Это очередь для людей! А его так и тянет к сородичам.

Не успел Хренов спросить, что это, хрен возьми, значит, как ответ сам прилетел к нему в виде криков, растущих как снежный ком и столь же стремительно приближающихся. Среди незнакомых женских октав яркого недовольства героини слышали и привычные нотки голоса своего нанимателя.

— Вам нельзя в отсек для ботов! — кричала взбешенная сотрудница аэропорта. — Там условия не для людей!

— Простите. Боты-родители приучили... — опустил голову Глум. — Постоянно возили с собой.

— Но там же холодно!

— Заодно закалился... — не без ностальгии уточнил он. Работница лишь зарычала.

— Стой тут! Со всеми! — Ее не ограничивали настройки по защите других людей, поэтому она со всей силы пихнула Глума в очередь к остальным.

— Очень меткий бросок. Ей бы в керлинг играть... — оценил хакер.

— Прямо в центр, — кивнул Иван.

— Придется мне лететь с вами... с людьми...

— Эй, ты же против расизма, помнишь? Сам говорил, — напомнил ему детектив.

— Конечно. Я же в противоположном смысле. Я не против людей, мне непривычно лететь с *самими* людьми.

— О, ничего особенного. Они такие же, как и все, — ляпнул хакер и завис над осмыслением собственных слов.

Очередь со скрипом, но подошла, и наши горе-путешественники с нескрываемым облегчением покинули рассадник человеческих мук, этот девятиярусный ад, и отправились в удивительное и насыщенное красками воздушное путешествие. Насладиться всеми чудесами полета они не успели, потому как сразу же вырубилась, еще до взлета, и не открыли глаз, пока шасси вновь не коснулось земли. Как выяснилось позже, билеты они взяли не на тот рейс и в результате прилетели совершенно не в тот Санкт-Петербург.

* * *

В банковском хранилище «МорганМани» было шаром покати. Хэнк и Сэм еще никогда не видели настолько пустых подвалов. За их профессиональной работой наблюдали два охранника, стоявших у входа в это чудо инженерной и воровской мысли. Услышав, что к ним спускается настоящий

Хранитель ООН, да еще с помощником, охранники обомлели и теперь не могли оторвать глаз от их уникальной деятельности.

Хэнк подошел к одному углу и принялся водить пальцем по пустому полу, показывая его кончик Сэму. Тот удивленно кивал. Хэнк, не разгибаясь, в позе подвального мыслителя доплелся до следующего угла и начал возиться там, по традиции потирая пол пальцем. Вновь последовала церемония его изучения.

— Невероятно, — прошептал первый охранник. — Вот это уровень.

— Мы бы никогда до такого не догадались, — ответил второй. — Гениально.

— Банкиры знают, кого нанимать.

— Ага...

Найдя все углы хранилища абсолютно одинаковыми, Хэнк с нескрываемым удивлением вернулся к охранникам.

— А чем вы мышей травите? — спросил он. — Никогда не видел, чтобы такой большой подвал и никаких следов грызунов.

— Мышами даже не пахнет, — со всем основанием подтвердил Сэм.

Охранники замешкались.

— Даже не знаю... Не видели ни одной, — отозвались они.

— Везет же некоторым, — хмыкнул Генри. — Жизнь несправедлива.

— Воистину, — еще раз подтвердил Сэм.

Охранники достали фотографии хранилища, сделанные за несколько дней до пропажи золота.

— Мы подумали, это поможет.

Хэнк взял распечатки и принялся их изучать.

— Возможно. На, Сёма, возьми. Что видишь?

— Ну. Главное, чего я *не вижу*.

— Да-да. Не сыпь соль на рану.

— Ладно, тогда вот. В арках под сводами была позолота, — сообщил Сэм и как смог задрал голову. — А теперь ее нет. Блин, не могу на это смотреть без боли.

— И не говори.

Охранники наконец решили, что теперь уж точно уловили нить разговора.

— Без позолоты совсем не смотрится, да.

— Да нет же! — рявкнул Бобров. — Лампы как высоко! Обычных стремянок не хватит!

* * *

Киавелли все утро пытался разрулить хоть что-то, распутать хотя бы кончик неподъемного клубка проблем. Как в старые добрые времена кризисов и катастроф, он в ручном режиме управлял вещанием сотен СМИ, объединенных под началом его Комитета. Лидия, дирижуя из приемной, помогала ему как могла. Они оба в эти часы походили на опе-

раторов аэропорта в момент наивысшего хаоса, отмен и возвращений рейсов. Ну то есть один в один, как диспетчеры нью-йоркской гавани в то же самое время.

— Надо сбавить накал вражды между канадцами и этими, как их...

— Американцами, — подсказала помощница.

Киавелли работал вторые сутки без перерыва, и это давало о себе знать. Особенно в его годы, ведь чем черт не шутит, ему могло быть и шестьдесят! Впрочем, с таким же успехом ему можно было дать сорок. Не лучше чувствовала себя и Лидия, всю ночь измерявшая площадь штата Нью-Йорк собственными ногами и на звенящем велосипеде и лишь пять минут подремавшая в пригородном электропоезде в страхе оказаться измасленной термоботами. Действие утреннего кофе прошло, и у нее вновь закрывались глаза.

— Следи, чтобы никто не ляпнул про золото! — напомнил ей Секретарь. — Убери из сетки золотую коллекцию Джейми Бонд! Перенеси «Золотую малину»! И отмени все шоу на смежные темы, чтобы никто вдруг случайно не стал обсуждать золото! Маховик раскрутится, и мы уже не сможем ничего сделать!

— Поняла, да.

— И выруби к черту этот «Магазин на диване», пока до греха не дошло!

— Уже! И семьдесят девятый канал тоже грохнула! — с энтузиазмом сказала Лидия и, смутившись под пронзитель-

ным взглядом босса, добавила: — Порядковый номер золотая!

— Ладно. Тогда рубани и соседние, чтобы никто не заподозрил. А я попытаюсь купировать любые намеки на странство и время.

Киавелли начал онлайн-собрание с главными редакторами новостных сайтов. Замок дверей его кабинета щелкнул, а значит, ближайший час никаких новых указаний не прилетит.

Лидия слабо выдохнула. На более мощный выдох не доставало сил.

Кофе — вот что ей нужно для выживания. Особый, нелегальный, напичканный кофеином, как желудок контрабандиста. Она уже выжала все возможности кофеварки в своей приемной, поэтому отправилась в коридор, где в опасной близости стояли рядом кофемашина и машина для самоуничтожения ботов. Лидия никогда не понимала, зачем это нужно, однако же профсоюз настоял¹³. По странному совпадению цена была точно такая же, как за двойной эспрессо.

Уставшая, сонная Лидия, у которой уже двоилось в глазах, приложила карту не к тому считывателю и нажала не на ту кнопку. От позора стать виновницей засорения будки для ботоцида (а также от быстрой смерти) ее спасло внезапно от-

¹³ Юридически это считалось добровольным актом самовыражения и не облагалось пошлиной за утилизацию ботов. К тому же процедура стоила денег, отчего все только выигрывали и богатели. ←

ключившееся электричество.

Стало темно, как в консервной банке, если бы в самом конце этой банки виднелось окно на улицу. Спустя минуту заработала аварийная система подачи энергии, но Лидия уже отпрянула на безопасное расстояние от машины. Дрожа от ужаса, она не помнила, как вернулась в приемную, куда в это же время выбежал взбешенный босс.

— Ты видела?!

— Да, шеф, я чуть не погибла...

— Мы все погибнем, если это не починят!

— Будка для ботоцида...

— Оставим как запасной вариант, — не совсем понял ее Киавелли.

— Но свет же включился... — Лидия уже без особого доверия к своему зрению осмотрела яркую приемную и кабинет.

— Мои резервные генераторы. Но городскому освещению крышка. Серверы коммунальщиков, Интернет... Всё, для чего нужны компьютеры, сдохло!

— Значит, ваше собрание...

— Оборвалось! Похоже на взрыв электромагнитной бомбы!

Лидия попыталась глотнуть из ближайшей кофейной кружки — там оказалось пусто, но при мысли о кофейном аппарате из коридора ее пробил озноб. Уж лучше пусть будет пусто.

— Есть же спутниковый интернет.

— Он тоже вырубился! — Киавелли водил телефоном над головой, как потерявшийся в лесу путник в поисках хотя бы одной полоски связи. — О! Появилась снова! Знаешь, что это значит?

— Что не надо было производить наши спутники в Африке?

— Да нет же! Теперь над нами по орбите пролетают рабочие спутники! Значит, зона поражения была радиусом в сотни миль! Всё! Я к себе!

* * *

Самолет в настоящий российский Нью-Петербург, на который так и не попали наши герои, затрясло сразу после взлета.

Командир судна медитировал в своем кресле с включенным массажем, поэтому не ощутил ничего нового. Второй пилот слушал тяжелый рок и лишь сильнее углубился в вибрации мощной музыки, вошедшие в резонанс с тряской. Хорошо, стюардесс заставляли делать хоть что-то полезное, а именно изредка ходить по салону, размахивая туда-сюда бедрами, причем на очень высоких шпильках, возвращая особо вялых пассажиров к жизни, чтобы они, не дай бог, не оочурились до прилета. Благодаря гениальной продуманности авиакомпании (а может, простому совпадению) старшая

стюардесса почувствовала через свои шпильки дрожание самолета и зашла в кабину пилотов.

— Мм-м-мм-ммм, — произнесла она.

— Что? — не понял второй пилот.

— Ммм-м-м-ммм!

— Если это какая-то шутка...

— Наушники сними, я сказала!

— Да снял, снял, тише ты. Капитана разбудишь, а он, знаешь, какой ворчливый... Ну вот, пожалуйста.

— Что случилось? — проворчал капитан, явно недовольный прерванной медитацией и массажем. — Прилетели? Где моя бутылка шампанского?

— Это я хочу спросить!

— Тебе шампанское не положено.

— Да нет же! Что случилось?! Почему самолет трясет? — в гневе ответила стюардесса.

— Черт с тобой, шас посмотрим, — недовольно сказал капитан, посмотрел на приборную панель перед собой и завис.

— Что там, шеф? — спросил второй пилот, подъехал к нему и тоже завис.

Пауза затянулась.

— Где сводка бортового ИИ? — спросили они почти синхронно. — Тут столько экранчиков...

Послышался голос диспетчера нью-йоркского аэропорта:

— Внимание! У всех самолетов вырубилась компьютеры! Разворачивайтесь!

— Вот те на... — удивился капитан. — Летаю уже двадцать лет и ни разу не видел выключенный компьютер... Это что теперь делать?

— Разворачивать и садиться обратно, — повторила за диспетчером стюардесса.

— Но как? — удивился второй пилот.

— Вы *меня* спрашиваете? Я тут соки разношу и прошу поднимать столики... ну или опускать, если кто особенно впечатлительный. Не знаю я, как разворачиваться и садиться!

— А мы тем более! — Капитан побледнел. — Я всю жизнь летал на ИИ-пилоте!

Стюардесса попыталась испепелить взглядом обоих.

— Я тоже! — признался второй. — Сейчас, блин, какой век? Двадцатый? Нет! Двадцать второй!

— Чертовщина какая-то. Как компьютер мог вырубиться? — не понимал капитан, расслабленное тело и разум которого слишком быстро преодолели все стадии напряжения до самой крайней. От этого закладывало уши. Ну и еще от потери высоты.

Самолет вновь тряхнуло.

— Мне кажется, если ничего не делать, мы в конце концов упадем, — никак не отставала от них стюардесса, сыпля тут и там логикой.

— Так, ладно. Спроси пассажиров, хорошо? Вдруг кто умеет летать. Не сам, конечно, в смысле рулить самолетом.

Только не поднимай паники.

Бортпроводница так сильно закатила глаза, что едва не заработала косоглазие. Она злобно вышла к озадаченным пассажирам, которые впервые в жизни видели трясущийся самолет. Что самое страшное — они находились внутри него, и это не добавляло радости.

— Что-то случилось? — спросил пассажир.

— Что-то ужасное? — подхватил второй.

— Пока еще нет, — ответила стюардесса и укорила себя за это предательское «пока», не вызвавшее отклика понимания у салона. Там сразу стали паниковать.

— Среди вас есть пилот? — нервно спросила она.

К ней подбежал старик со стетоскопом и седой бородой.

— Я врач! Как удачно, что я оказался здесь! — радостно произнес он.

— Но нам нужен пилот... — отозвалась стюардесса.

К ним рванул еще один пассажир, помоложе, со стильной короткой стрижкой, в очень дорогом костюме.

— Я доктор. Частный, но практикующий. Пилоту плохо? Я вылечу хоть покойника.

— Нормально все с пилотом! Но он не может лететь! Нам не нужны врачи!

— Как это не нужны? Всегда зовут именно врачей. Мы смотрели кино! — удивились два доктора.

Их шушуканье у кабины пилотов вызвало панику во всем остальном салоне. Люди начали вскакивать с мест и нервно

снова меж рядов. К стюардессе, расталкивая двух докторов, подбежал третий.

— Я дантист, — сказал он. — Не реаниматолог, конечно, но кое-чего умею.

— Скажешь тоже, дантист! — фыркнул седой врач.

— Вы даже не считаетесь докторами, — подтвердил стилиста.

— Еще как считаюсь! Я получил диплом!

— Знаем мы твои дипломы. Просто записываешься на курсы, смотришь видосы и вуаля. Сами так получали!

Самолет начал крениться, и стюардесса уже с трудом удерживала равновесие на каблуках. Она метнулась в кабину пилотов и привела на суд публики живого и, если не считать испуга, здорового командира.

— Вот он, смотрите! Не нужны ему доктора!

— Ох. Ну и цвет глаз, — поразился седой. — Какие склеры! Я бы определенно его обследовал! Налицо проблемы с печенью...

— Я бы сказал, на лице, — подтвердил коллега.

Стюардесса уже без труда закатила глаза. Постоянная практика давала свои плоды.

Летевшая в этом самолете группа детективов с собаками, нанятая «МорганМани», выскочила из бизнес-класса, чтобы выяснить, что к чему.

— У нас срочное дело в Нью-Москве, — сказал их представитель. — Нельзя ли побыстрее определиться с диагно-

зом?

— Да не нужен нам никакой диагноз! — всхрипела стюардесса.

Но капитан остановил ее жестом руки.

— Погоди. Знаешь, как трудно попасть к врачу? Там, на земле. Пусть порекомендуют лечение.

Шесть лучших следователей Интерпола, собранных «Райским Плодом», также оказавшихся в этом самолете, встали в соседнем проходе.

— Долго еще? У нас важное дело. Ищем... кое-кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.